

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1

весна — лето
2004

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- А.Г. Сазыкин.* Ранний монгольский перевод рассказов
о пользе «Алмазной сутры» 7
- Ма Жун.* Книга о верности. Предисл., пер. и примеч.
И.Ф. Поповой 60

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.И. Колесников.* Материалы к характеристике
политической и этноконфессиональной ситуации
в восточном Иране и Хорасане (по сведениям
мусульманских географов IX–XII вв.) 69
- Ж.С. Мусаэлян.* Мела Махмуд Баязиди и его первый
перевод «Шараф-наме» Шараф-хана Бидлиси
на курдский язык 98
- И.С. Гуревич.* К характеристике языка памятников
жанра *пинхуа* (平話) периода Сун–Юань 108

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

- О.Ф. Акимушкин.* К вопросу о среднеазиатских
переплетах рукописных книг
(30-е годы XVIII — 30-е годы XX в.) 143
- Е.И. Кычанов.* Несколько предварительных
замечаний по поводу тангутского текста
«Собрание слов, передаваемых от одного
к другому в трех поколениях» 147

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2004

<i>Вал. В. Полосин. Рукописи каллиграфической школы Ибн Муклы (проблема идентификации)</i>	160
<i>О.П. Щеглова. Коммерческие каталоги индийских книгоиздателей</i>	177

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

<i>М.И. Воробьева-Десятовская. К истории сложения буддийского канона: проблема языкового разнообразия и авторства буддийских канонических текстов</i>	200
---	-----

РЕСТАВРАЦИЯ И ХРАНЕНИЕ

<i>Л.И. Крякина, И.Н. Кулешова. Физико-химические исследования и реставрация тангутских рукописей и ксилографов XII в. из коллекции СПбФ ИВ РАН</i>	219
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Т.В. Ермакова. Научная конференция «Научные экспедиции в Китай и Центральную Азию в первой трети XX в. К 140-летию С.Ф. Ольденбурга (1863–1934)»</i>	243
<i>М.И. Воробьева-Десятовская. Собрание восточных рукописей СПбФ ИВ РАН. Несколько слов об истории Азиатского музея</i>	246

РЕЦЕНЗИИ

<i>Е.И. Кычанов. Агван Доржиев. Занимательные заметки: Описание путешествия вокруг света (Автобиография)</i>	252
<i>А. Гордин. С.М. Якерсон. Еврейская средневековая книга: Кодикологические, палеографические и книговедческие аспекты</i>	253

На четвертой стороне
обложки:
л. 13b–14a рук. Q 415
сборника рассказов
о пользе «Алмазной сутры»
из собрания СПбФ ИВ РАН
(к статье А.Г. Сазыкина)

Над номером работали:

Р.И. Котова
Л.Л. Михалевский
Э.Л. Эрман
И.Г. Ким
О.В. Волкова
Е.В. Катышева
А.В. Богатюк

А.И. Колесников

© 2004
Санкт-Петербург**Материалы к характеристике
политической и этноконфессиональной ситуации
в восточном Иране и Хорасане**(по сведениям мусульманских географов IX–XII вв.)¹

Средневековая географическая литература мусульманского мира стала широко известна европейской ориенталистике только в последней трети XIX в., хотя отдельные труды мусульманских географов издавались и раньше. Начало активизации географических штудий было положено изданием в 60–70-е годы XIX в. многотомного словаря Йакута (XII–XIII вв.), осуществленным Ф. Вюстенфельдом². Сочинение Йакута представляет алфавитный свод топонимии мусульманских стран и их соседей, насыщенный сведениями историко-географического характера и списками выдающихся деятелей эпохи. Взяв за основу труды географов IX–X вв., которые он хорошо знал и на которые часто ссылается, Йакут дополнил «Словарь» расспросными сведениями современников и личными впечатлениями, обогатил его тысячами названий второстепенных населенных пунктов, дав потомкам определенное представление о микротопонимии областей ислама в XII–XIII вв.

С 1870 г. в течение 25 лет успешно осуществляется издание серии «Bibliotheca Geographorum Arabicorum», инициатором и исполнителем которого стал известный ориенталист де Гуе. Каждый том «Библиотеки» (кроме четвертого, содержащего словарь и указатели к первым трем) включал сочинение одного автора IX–X вв., иногда двух. Таким образом достоянием ориенталистики стали географические труды ал-Истахри, Ибн Хаукала, ал-Мукаддаси, Ибн ал-Факиха ал-Хамадани, Ибн Хордадбега, Кудамы б. Джа'фара, Ибн Русты, ал-Йа'куби, ал-Мас'уди. Достоинством географической серии (по сравнению с более ранними публикациями) было то, что сочинение каждого автора издавалось с привлечением нескольких надежных рукописей и исследователь текста имел возможность учитывать разночтения в списках.

Перечисленные выше географические труды написаны по-арабски. Но иранское происхождение большинства географов способствовало тому, что преимущественную часть в сочинениях занимает описание областей Ирана, Афганистана и Центральной Азии. Современником географов X в., писавших по-арабски, является анонимный персоязычный автор трактата «Пределы мира от Востока до Запада». Единственный экземпляр этого сочинения был обнаружен в конце XIX в. русским исследователем А.Г. Туманским и позднее издан факсимиле академиком В.В. Бартольд³.

Колесников Алий Иванович — д.и.н., вед. н.с. Сектора Среднего Востока СПбФ РАН.

¹ Часть этих материалов была использована при написании статей: *Kolesnikov A. The Early Muslim Geographers on the Ethnic Situation in Khurasan (IX–XIII cent. AD) // Iran and Caucasus. Tehran, 1997. Vol. I. P. 17–24; Kolesnikov A.I. The Information of the Early Muslim Geographers about the Confessional Situation in Khurasan in the 9th–12th Centuries // Studies in Arabic and Islam. Proceedings of the 19th Congress UEAI, Halle, 1998. Leuven–Paris–Sterling, Va., 2002. P. 81–88.*

² Jacut's Geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford... hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd. I–IV. Lpz., 1866–1869 (далее — Йакут). Пятый и шестой тома содержат указатели к основному тексту «Словаря».

³ Худуд ал-'Алем, рукопись Туманского, с введ. и указ. В. Бартольда. Л., 1930 (далее — Худуд). Ныне рукопись хранится в Секторе восточных рукописей и документов СПбФ ИВ РАН под шифром С 612.

Об интересе иранского общества к географической литературе своих предшественников свидетельствует появление в XI в. труда Гардизи, использовавшего в своем сочинении извлечения из Ибн Хордадбега и ал-Джейхани⁴, а также перевод на персидский язык труда ал-Истахри, выполненный неизвестным лицом в XI–XII вв., т.е. через 100–150 лет после появления первоисточника⁵.

Отмечено, что в раннемусульманскую эпоху географическая наука развивалась для удовлетворения практических запросов времени⁶. Но при этом сочинения такого рода вряд ли можно считать сугубо географическими справочниками или учебниками по географии. В них сплошь и рядом встречаются сведения о торговле и производительной деятельности населения отдельных областей, этнографии и религии народов, исповедующих ислам, и их соседей, приводятся экскурсы в историю и историческую географию регионов, отмечаются особенности языка и обычаи. При существовавшей в то время зависимости от традиционной (или заданной) схемы географического описания и от наличного материала каждый из авторов делал отступления для более детального освещения заинтересовавшей его попутной темы, привлекая сведения из других областей знания. Поэтому информация разных географических сочинений не столько исключает, сколько дополняет одна другую.

Материалы средневековых географических сочинений исследователи неоднократно привлекали при написании региональных историй и разработке проблемных тем истории Востока (таких, как развитие средневекового города, торговых путей, вопросы исторической географии и т.д.). Первая удачная попытка суммировать информацию арабоязычных трудов о средневековом Иране была предпринята П. Шварцем. Его монография «Иран в средневековье по данным арабских географов» выходила отдельными выпусками в течение сорока лет⁷. Книга стала ценным справочником по исторической географии и экономике Ирана в рамках его нынешних границ, и к ней до сих пор обращаются специалисты. Более детально в работе Шварца охарактеризованы центральные области исторического Ирана, Иранское нагорье, и практически не затронуты его западные (Междуречье) и восточные, кроме Кермана, окраины. В известной мере эта лакуна заполняется сведениями, собранными в книге Г. Ле Стренджа, который пользовался примерно той же группой источников⁸, однако восточный Иран заслуживает более пристального внимания.

В массе научных публикаций, так или иначе опирающихся на сведения раннемусульманских географов, существует целый ряд работ, посвященных областям восточного Ирана в его историческом понимании, но большинство их касалось территории бывших советских республик Средней Азии. Такой интерес к географической литературе объяснялся бурным развитием археологии и необходимостью сопоставить археологические материалы с данными письменных источников. Историко-географическое исследование восточной части современного Ирана и Афганистана в раннее средневековье проводилось недостаточно. Между тем оно требует к себе повышенного внимания хотя бы потому, что многие аспекты социально-экономической и культурной жизни общества этого региона, утвердившиеся в развитое и позднее средневековье и дошедшие до наших дней, складывались еще в доисламскую эпоху и в первые века ислама.

⁴ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Академик В.В. Бартольд. Сочинения. Т. IX. М., 1977. С. 256.

⁵ Abu Ishāq Ibrāhīm Isfahārī. Masālik wa mamālik, ba ehtemām-e Iraj Afshār. Tehrān, 1340/1961 (далее — Истахри (перс.)).

⁶ Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Академик И.Ю. Крачковский. Избранные сочинения. Т. IV. М., 1957. С. 17.

⁷ Schwarz P. Iran im Mittelalter nach den arabischen Geographen. I–IX. Leipzig, Zwickau, 1896–1936.

⁸ Le Strange G. The Lands of the Eastern Caliphate: Mesopotamia, Persia and Central Asia from the Moslem Conquest to the Time of Timur. Cambridge, 1905.

Восточный Иран, отделенный от западного широкой полосой пустынь, во многих отношениях (географическом, экономическом, этнокультурном) представлял собой изолированный регион, в котором длительное время сохранялись пережитки древних традиций и своеобразный уклад жизни. В то же время он был связующим звеном между странами Переднего и Дальнего Востока, обладателем древних караванных путей, стыком древних цивилизаций. Эти его особенности находят отражение и в раннемусульманской географической литературе.

Восточная окраина мусульманского мира к IX в. почти полностью была объединена территориальным понятием «Хорасан». В сасанидское время это название употреблялось в двух значениях. Среднеперсидские и парфянские манихейские тексты представляют Хорасан как одну из четырех частей света — восток⁹. В Сасанидском судебнике это уже топоним (кустак Хорасан), обозначающий определенную территорию¹⁰. Размеры этой территории мы находим в позднем пехлевийском сочинении «Города Ирана», представляющем Хорасан как один из четырех кустов (или четвертей) Ираншахра, в которых легендарные и исторические правители строили свои города. Репертуар хорасанской топонимии в пехлевийском трактате свидетельствует о том, что хорасанский куст включал области северо-восточного Ирана в нынешних государственных границах, земли между Гиндукушем и Амударьей до Памира (нынешний северный Афганистан), Мервский оазис и районы к северу от Амударьи¹¹. Провинции южного Афганистана, Сакастан и Арахозия, согласно тому же источнику, входят в состав южной четверти Ираншахра.

В надписи магупата Картира из Сар-и Машхада (вторая половина III в.) Хорасан несколько раз фигурирует как отвлеченное понятие «Восток», вся же восточная часть Сасанидского государства вплоть до северо-западной Индии представлена в наскальных надписях III в. перечнем конкретных провинций и царств, признававших верховную власть «царя царей»¹².

Географические представления о восточных провинциях Ираншахра в домусульманскую эпоху далеко не всегда отражали реальную политическую ситуацию. Фактические границы Сасанидского государства на востоке более-менее устойчиво сохранялись по линии Мерв–Герат–Систан. Восточнее этой линии находились владения кушан и затем эфталитов, севернее Мерва — владения тюркских хаканов и Согд, отделенный от Ирана Амударьей. Включение в официальные сасанидские надписи областей к северу от Амударьи и территорий до Пешавара и Индии выражало скорее честолюбивые претензии новой династии, стремившейся достичь величия Ахеменидов, нежели реальное положение вещей. Гипотеза о завоевании Кушанского царства уже первыми Сасанидами тоже имеет своих сторонников, но их построения покоятся на шатких основаниях. Позднее, в VI в., когда составлялся свод царских деяний «Хвадай-намаг», представление о великом Иране вплоть до границ современной Индии обуславливалось феноменом исторической памяти и питалось общеиранским эпосом, что и нашло отражение в пехлевийском географическом трактате «Города Ирана» и в «Шах-наме».

При обращении к раннемусульманской географической литературе исследователи в первую очередь и преимущественно извлекали и анализировали сведения, относящиеся к разным аспектам географических знаний о регионе или мусульманском мире

⁹ Henning W.B. Selected Papers, I // Acta Iranica, Série II. Hommages et Opera Minora. Vol. V. T. 14. Leiden–Téhéran–Liège, 1977. P. [8], [38], [40], [316], [317].

¹⁰ Периханян А.Г. Сасанидский судебник «Книга тысячи судебных решений». Ер., 1973. С. 400, АЗ1.3–5.

¹¹ Markwart J., Messina G. A Catalogue of the Provincial Capitals of Eranshahr. Roma, 1931. P. 10–12.

¹² Back M. Die sassanidischen Staatsinschriften // Acta Iranica. Série III. Vol. VIII. Téhéran–Liège, Leiden, 1978. P. 452, 454, 456.

в целом. При этом оставался вне поля зрения внушительный пласт «путной» информации, которая представляет существенный интерес для характеристики истории и идеологии эпохи. Своевременным в этой связи представляется введение в научный оборот нетрадиционной для географических сочинений информации, которая касается территории восточного Ирана и Афганистана в современных политических границах, соответствующих территории исторического Хорасана и Кермана.

В данном исследовании мы остановились на освещении следующих основных вопросов:

- 1) пределы Хорасана в мусульманской географической литературе IX–XII вв.;
- 2) события военно-политической истории Хорасана и смежных территорий в VII–XII вв.;
- 3) этнический состав населения Хорасана и соседних областей; конфессиональная ситуация в регионе.

По этим проблемам географические источники предоставляют ценный и разнообразный материал. Но сведения по этноконфессиональной характеристике являются, пожалуй, наиболее интересными.

1. Пределы Хорасана

У географов нет единого мнения о протяженности территории и границах Хорасана, но в разнообразии их информации на этот счет обнаруживаются несколько основных точек зрения.

Согласно одной из них, Хорасан разделяется на четыре четверти: мервскую, гератскую, балхскую и мавераннахрскую. Самый ранний из доступных нам географов, — Ибн Хордадбех (вторая половина IX в.) представляет хорасанские четверти как четыре марзбанства, т.е. владения, управлявшиеся марзбанами («охранителями границ», маркграфами), которые, в свою очередь, подчиняются спахбеду (воеводе) Хорасана¹³. Косвенно он связывает такое деление с сасанидской традицией.

Другие авторы идею четвертичного деления Хорасана приписывают ал-Балазури (IX в.), опуская ее возможную сасанидскую подоплеку. У ал-Балазури схема административно-территориального членения Хорасана более развернута. В полном или несколько сокращенном виде ее приводят Ибн ал-Факих ал-Хамадани (начало X в.), ал-Мукаддаси (конец X в.), Йакут (рубеж XII–XIII вв.).

Детали этой схемы иллюстрируются в таблице.

Из таблицы видно, что каждая четверть Хорасана включает более мелкие административные единицы. По ал-Балазури, четыре четверти Хорасана выглядят так: первая охватывает регион Нишапура–Герата, вторая — нижнее левобережье Амударьи до Хорезма включительно (территорию Туркменистана), третья — северные провинции современного Афганистана, южные районы Узбекистана и Таджикистана, четвертая — Мавераннахр, все прочие земли за Амударьей.

Как явствует из таблицы, наиболее точно информацию ал-Балазури воспроизвел Йакут. У Ибн ал-Факиха заметны некоторая путаница (например, Замм назван в четвертях II и III) и усложнение схемы малоизвестными населенными пунктами, которые вряд ли были центрами областей (см. № 10, 12, 13 в четверти IV). Цитирование ал-Мукаддаси — это, в сущности, пересказ первоисточника, который понадобился ему для присоединения Серахса к Мервской четверти¹⁴.

¹³ Kitāb al-masālik wa'l-mamālik auctore Abu'l-Kāsim Obaidallah Ibn Abdallah Ibn Khordādhbeh... // BGA VI. 1889. С. 18 (далее — Ибн Хордадбех).

¹⁴ Descriptio imperii moslemici auctore al-Mokaddasi // BGA III. 1877. С. 313 (далее — ал-Мукаддаси).

Т а б л и ц а

Схема административно-территориального деления Хорасана,
по ал-Балазури, в передаче мусульманских географов X–XII вв.

ал-Мукаддаси	Ибн ал-Факих	Йакут
I четверть 1. Ираншахр (Нишапур) 2. Кухистан 3. Герат 4. Тус	I четверть 1. Ираншахр (Нишапур) 2. Кухистан 3. ат-Табасайн 4. Герат 5. Бушандж 6. Бадгис 7. Тус	I четверть 1. Ираншахр (Нишапур) 2. Кухистан 3. ат-Табасайн 4. Герат 5. Бушандж 6. Бадгис 7. Тус
II четверть 1. ал-Марван (т.е. Мерв и Мервруд) 2. Сарахс 3. Ниса 4. Абивард 5. ат-Таликан 6. Хваразм	II четверть 1. Марв аш-Шахиджан 2. Сарахс 3. Ниса 4. Бавард 5. Марв ар-Руд 6. Таликан 7. Хваразм 8. Замм 9. Амул	II четверть 1. Марв аш-Шахиджан 2. Сарахс 3. Ниса 4. Абивард 5. Марв ар-Руд 6. ат-Таликан 7. Хваразм 8. Амул
III четверть 1. ал-Джузджанан 2. Балх 3. ас-Саганийан	III четверть 1. ал-Фарйаб 2. ал-Джузджанан 3. Тухаристан ал-ульйа (ат-Талакан) 4. ал-Хуттал (Вахш) 5. ал-Кувадийан 6. Хаст 7. Андараба 8. ал-Бамйан 9. Баглан 10. Валидж 11. Рустак Банк 12. Бадахшан 13. ат-Тирмиз 14. ас-Саганийан 15. Замм 16. Тухаристан ас-суфла 17. Хулм 18. Симинджан	III четверть 1. ал-Фарйаб 2. ал-Джузджан 3. Тухаристан ал-ульйа 4. Хаст 5. Андараба 6. ал-Бамйан 7. Баглан 8. Валидж 9. Рустак Бил 10. Бадахшан 11. ат-Тирмиз 12. ас-Саганийан 13. Тухаристан ас-суфла 14. Хулм 15. Симинджан
IV четверть Мавераннахр	IV четверть Мавераннахр: 1. Бухара 2. аш-Шаш 3. ат-Турарбанд 4. ас-Сугд (Кисс) 5. Насаф 6. ар-Рубистан 7. Усрушана 8. Санам (крепость ал-Муканны) 9. Фергана 10. аш-Шам 11. Самарканд 12. Абаркат 13. Банакат 14. ат-Турк	IV четверть Мавераннахр: 1. Бухара 2. аш-Шаш 3. ат-Турарбанд 4. ас-Сугд (Кисс) 5. Насаф 6. ар-Рубистан 7. Усрусана 8. Санам (крепость ал-Муканны) 9. Фергана 10. Самарканд

По-видимому, схема ал-Балазури, основанная на сасанидской традиции административно-территориального деления Хорасана, имела известное значение только в его время (IX в.). Более поздние географы на нее ссылаются, но не всегда следуют ей. С некоторыми оговорками можно утверждать, что больше других ее принимает Ибн ал-Факих (хотя и допускает отступления в частностях)¹⁵, который, сославшись на источник, нигде больше не обращается к границам Хорасана. Для ал-Мукаддаси схема ал-Балазури существует только для иллюстрации какой-то мысли, у него есть собственное представление о пределах Хорасана. В другом месте ал-Мукаддаси уже без всяких ссылок изображает Хорасан состоящим из девяти провинций (*кувар*) и восьми областей или районов (*навах*). К первым он относит Балх, Газнин, Буст, Систан, Кухистан, Герат, Джуджанан, Мерв, Нишапур; ко вторым — Тохаристан, Бамйан, Бушандж, Бадгис, Кандж Рустак, Исфизар, Гарджистан, Марв ар-Руд¹⁶. Таким образом, не споря с ал-Балазури, ал-Мукаддаси молча исключает из его схемы Мавераннахр и добавляет равный ему по территории регион большого Систана, как бы смещая весь хорасанский массив в южном направлении.

Йакут в «Географическом словаре» сопоставляет схему ал-Балазури с собственными представлениями о пределах Хорасана. Прочитав источник, он добавляет: «Так сказал сочинитель. Но верное разграничение Хорасана — это то, к чему мы пришли вначале. То, что упомянул ал-Балазури как совокупность относящегося к этой стране (Хорасану. — А.К.), — это присоединенное к [владениям] наместника Хорасана, и название „Хорасан“ объединило его. Однако Мавераннахр — это страна эфталитов, область на его (Хорасана) окраине, как и Сиджистан — область на его окраине»¹⁷. Полемизуя с ал-Балазури, Йакут отстаивает высказанную им точку зрения о том, что Хорасан — это территория между Амударьей и Систаном, без Мавераннахра и без Систана: перечень приведенных им провинций Хорасана является подтверждением его мнения¹⁸. В большой статье Йакута, специально посвященной Систану, нет и намека на его административное подчинение Хорасану, и единственным звеном, связывающим эти области, является указание расстояния между Заранджем и Гератом в фарсангах и в днях пути¹⁹.

Современник Ибн ал-Факиха — Ибн Руста (начало X в.) еще находится под сильным влиянием традиционной схемы. Хотя он нигде не ссылается на ал-Балазури и не выделяет территориальных четвертей Хорасана, однако он включает в этот регион обширные пространства от Нишапура до Бадахшана и от Гиндукуша до Шаша и Ферганы включительно. Как ал-Балазури и Ибн ал-Факих, Ибн Руста причисляет к Хорасану и земли Мавераннахра, но исключает из Хорасана Систан²⁰.

Другой современник Ибн ал-Факиха — Кудам б. Джа'фар понимает под Хорасаном территорию всего восточного Ирана, Афганистана и республик Средней Азии в современных границах, т.е. собственно Хорасан, Мавераннахр и Систан, доказательством чего является приводимый им список 39 областей, локализуемых в разных частях этого обширного региона²¹. Отступление нашего автора от заданной географической схемы было вызвано, вероятно, тем, что в «Книге о харадже» географическая проблематика является второстепенной по сравнению с экономической и подчинена ей.

¹⁵ Compendium libri Kitāb al-Boldān auctore Ibn al-Fakīh al-Hamadhāni // BGA V. 1885. С. 321–322 (далее — Ибн ал-Факих).

¹⁶ ал-Мукаддаси. С. 295. Примеч. f.

¹⁷ Йакут. II. С. 410. Стк. 7–11.

¹⁸ Там же. С. 409. Стк. 3–10.

¹⁹ Йакут. III. С. 41–42: «Между ним и Гератом 10 дней [пути, или] 80 фарсахов».

²⁰ Kitāb al-A'lāk an-naḥṣa auctore Abū Alī Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh... // BGA VII. 1892. С. 105. Стк. 19–23 (далее — Ибн Руста).

²¹ ...Excerpta e Kitāb al-Kharādj auctore Kodāma ibn Dja'far // BGA VI. 1889. С. 243 (далее — Кудам б. Джа'фар).

Ал-Истахри (середина X в.) и дополнивший его труд Ибн Хаукал (конец X в.) относят к Хорасану территорию между Систаном и Амударьей, Индией и Гурганом. На этом пространстве они помещают четыре главные провинции с одноименными административными центрами: Нишапуром, Мервом, Гератом и Балхом, а также перечисляют 16 областей Хорасана. Любопытно, что оба автора не относят к Хорасану Хорезм и в качестве аргумента приводят факт большей удаленности столицы Хорезма от городов Хорасана по сравнению с расстоянием до Бухары, а также расположение столицы Хорезма по другую сторону Амударьи²². Другой особенностью сочинений ал-Истахри и Ибн Хаукала является глава о великих пустынях, разделяющих западный и восточный Иран; немногочисленные населенные пункты в зоне пустынь административно примыкают к Хорасану либо, на другой стороне, — к Фарсу или ал-Джибалу²³. В своих описаниях авторы стремятся следовать географической схеме, даже если она не совпадает со схемой административного деления. Так, они отделяют Тохаристан от Балха, хотя в учетных документах оба значатся как одна административная единица — Балх и Тохаристан. Лучшим критерием для сведения вместе или разъединения областей ал-Истахри и Ибн Хаукал считают карту²⁴.

Анонимный автор «Худуд ал-‘Алам» (конец X в.) не приводит сводного списка провинций и областей Хорасана, но последовательно дает их краткое описание, а также дважды акцентирует внимание читателя на границах территории. Из изложения следует, что пределы Хорасана автор воспринимал в тех же рамках, что и ал-Мукаддаси, т.е. без Мавераннахра, но с Систаном²⁵.

Таким образом, разнообразие представлений мусульманских географов IX–XII вв. о пределах Хорасана сводится к четырем взаимоисключающим точкам зрения:

1) Хорасан — обширная территория, протянувшаяся с запада на восток от великих пустынь Дашт-и Кавир и Дашт-и Лут до Памира (включая Бадахшан) с землями по обеим сторонам рек Вахш и Амударья, т.е. области современного восточного Ирана (без Систана), северного Афганистана и бывших советских республик Средней Азии. Эта точка зрения является пережитком сасанидской традиции административно-территориального деления. В раннемусульманской географической литературе к числу ее сторонников относятся Ибн Хордадбех (конец IX в.), Ибн ал-Факих ал-Хамадани и Ибн Руста (оба — начало X в.). Ал-Мукаддаси (конец X в.) и Йакут (XII–XIII вв.) только иллюстрируют свое знакомство с традиционной схемой, но не принимают ее полностью;

2) Хорасан — весь восточный Иран, Афганистан (без Нангархара) и среднеазиатские государства СНГ. Этот вывод следует из перечня провинций, которые включает в Хорасан Кудама б. Джа‘фар (начало X в.). Тема Большого Хорасана, очевидно, выкристаллизовалась из идеи концентрации налоговой политики всего региона в руках хорасанского наместника;

3) Хорасан — территория, ограниченная на севере течением Вахша–Амударьи, на юге — Систаном, на западе — Гурганом, на востоке — Индией. Из нее исключается Хорезм, расположенный у впадения Амударьи в Аральское море. Этой схемы придерживаются ал-Истахри (середина X в.), Ибн Хаукал (конец X в.), Йакут (XII–XIII в.);

4) для ал-Мукаддаси и анонимного автора «Худуд ал-‘Алам» (оба — конец X в.) Хорасан — это вся территория мусульманских владений без Синда, находящаяся

²² *Viae regnorum. Descriptio ditonis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri* // BGA I. 1870. С. 253–254 (далее — ал-Истахри); *Viae et Regna. Descriptio ditonis moslemicae auctore Abu'l-Kâsim Ibn Haukal* // BGA II. 1873. С. 309–310 (далее — Ибн Хаукал); Истахри (перс.). С. 202–203.

²³ ал-Истахри. С. 227–237; Ибн Хаукал. С. 286–296.

²⁴ ал-Истахри. С. 254; Ибн Хаукал. С. 310; Истахри (перс.). С. 203–204.

²⁵ Худуд. С. 37–42 (л. 19а–21б).

к востоку от больших иранских пустынь и ограниченная с севера течением Вахша–Амударьи. В сущности, это схема Кудамы б. Джа'фара без Мавераннахра или схема ал-Истахри–Ибн Хаукала с добавлением Систана. Под Систаном географы имели в виду земли юго-восточного Ирана и почти все земли южного Афганистана.

Из четырех очерченных выше географических схем последняя более всего соответствует региональному понятию «земли восточного Ирана и Афганистана». Сюда следует добавить район Нангархара, который в то время относили к Индии, и область Керман, описанию которой все географы посвящают специальную главу. Сведения об областях исторического Хорасана, локализуемых на территории нынешнего Туркменистана, привлекаются в статье для сравнительной характеристики этнической и конфессиональной ситуации, имевшей место во всем хорасанском регионе в ранне-мусульманскую эпоху.

2. События военно-политической истории Хорасана и примыкающих территорий в VII–XII вв.

Изучение источников в комплексе обнаруживает одну любопытную деталь: никто из мусульманских географов не дает развернутого изложения событий в Хорасане от начала арабских завоеваний до своего времени. Очевидно, это обуславливалось своеобразием традиционного жанра географических сочинений, который не допускал чрезмерных отклонений от заданной схемы. Не очень пренебрегали условностями жанра и такие географы, как ал-Йа'куби (конец IX в.) и ал-Мас'уди (середина X в.), более других находившиеся под влиянием исторической тематики и проявлявшие к ней незаурядный интерес.

Исторические сюжеты, в большей или меньшей степени получившие освещение в трудах раннемусульманских географов, можно разделить на три хронологические группы:

- а) домусульманская история;
- б) период ранних арабских завоеваний (VII в.);
- в) внутривнутриполитические события и внешние завоевания VIII–XII вв. в Хорасане.

В сущности, вся домусульманская история иранского востока сводится в географических сочинениях к фиксации разрозненных фактов и преданий, почерпнутых из более ранних источников и имевших целью подчеркнуть глубокую древность и достоинства города, обозначить его наиболее ранние исторические вехи, выделить из ряда других городов. Экскурсы в древность сопровождают описание не только крупных городов, сыгравших выдающуюся роль в мусульманской истории (Нишапура, Герата, Мерва, Балха), но и более мелких, но расположенных в том же регионе. Как правило, авторы не распространяются о событиях седой старины, они их только фиксируют, и делают это ненавязчиво, как бы мимоходом, в потоке других сведений и без непосредственной связи с ними. Создается впечатление, будто географы не только иллюстрируют собственную осведомленность в древней истории, но и стараются привлечь к ней внимание читателя.

При датировке строительства наиболее древних городов Хорасана географов часто «выручает» знакомство с эпической традицией иранских народов. Так, характеризуя Балх как один из великолепнейших городов Хорасана, Йакут среди прочих сведений называет и легендарных основателей города, Лухраспа и Александра Македонского²⁶. С именем завоевателя Александра связывается и основание Мерва²⁷. Строительство

²⁶ Йакут. I. С. 713.

²⁷ ал-Мукаддаси. С. 298–299.

Абиварда и Серакса относят ко времени царя Кей Кавуса²⁸, а основание округа Буштанфуруш в Нишапурской провинции — ко времени Виштаспа (Буштасф)²⁹. Строительство Асфариана (древнего Михраджана), укрепленного города в провинции Нишапур, приписывается царю Исфандийару³⁰.

Список легендарных строителей далеко не исчерпывается приведенными примерами.

На этом фоне большую историческую ценность представляют сведения географов из реально существовавшей сасанидской эпохи. Их информация отличается и большей надежностью, и большим разнообразием, несмотря на ее фрагментарность. Заслуживает внимания краткое сообщение Ибн ал-Факиха о строительстве города Мервруда выходцами из Вавилонии, переселенными на восток при Хосрове (Ануширване. — А.К.): «Послал туда Кисра людей из жителей Савада. Они построили и заселили его (Мервруд)»³¹. Для сравнения отметим, что в Актах несторианского собора 554 г. стоит подпись епископа Мевруда (mrgmwd) Теодора³². Таким образом, функционирование Мервруда как восточнохристианской епископии приходится на середину правления Хосрова I Ануширвана (531–579), что не противоречит версии более позднего источника о времени основания города.

Из других сасанидских сюжетов стоит упомянуть замечание Йакута (со ссылкой на Ибн Кутейбу) о традиционной оппозиции хорасанцев персидским царям («ни одному из них они не платили ни дани, ни хараджа») и его рассказ о гибели шаханшаха Пероза на востоке от рук эфталитов³³. Определенный интерес представляет рассказ географов о древней столице Систана Рам Шахристане, причинах ее упадка и основания новой столицы, Заранджа³⁴. Ценны также указания источников на возможную локализацию царской резиденции эфталитов в Бауне, административном центре области Бадгис³⁵, на хорасанское (нишапурское) происхождение таких выдающихся личностей позднесасанидской эпохи, как врач Барзуйе и музыкант Барбуд³⁶, титулы домусульманских наместников и удельных владетелей восточного Ирана и другие сведения исторического характера³⁷.

История первых походов мусульманских армий в области восточного Ирана и Хорасана у географов IX–X вв., за редким исключением, не фиксируется. Однако она присутствует во многих статьях «Географического словаря» Йакута (начало XIII в.). Основную часть информации об арабских завоеваниях второй половины VII в. автор черпает из сочинений историков IX–X вв., о чем свидетельствуют его частые ссылки на ал-Мада'ини, на «Китаб ал-Футух» и «ал-Футух»³⁸. Указаниями на источник информации сопровождаются около половины исторических экскурсов. Другая, большая половина приводится без всяких ссылок, возможно, потому, что сами факты излагаются как давно известные. Не исключено, что они заимствованы у ат-Табари,

²⁸ Йакут. I. С. 111; там же. III. С. 71–72.

²⁹ Йакут. I. С. 630.

³⁰ Там же. С. 246–247.

³¹ Ибн ал-Факих. С. 319. Стк. 4–5.

³² *Guidi I. Ostsyrische Bischöfe und Bischofssitze im V., VI. und VII. Jahrhundert // ZDMG. 1889. Bd. 43. S. 412; Synodicon orientale ou recueil de synodes nestoriens, publié, traduit et annoté par J.B. Chabot // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale et autres bibliothèques. P., 1902. T. 37. Текст — с. 109, стк. 23, пер. — с. 366 (далее — Несторианские соборы).*

³³ Йакут. II. С. 410–411.

³⁴ ал-Истахри. С. 242; Ибн Хаукал. С. 300; Истахри (перс.). С. 194.

³⁵ Йакут. I. С. 461–462.

³⁶ ал-Истахри. С. 262.

³⁷ Ибн Хордадбех. С. 17–18, 39–40.

³⁸ Известны имена нескольких историков, писавших «Книги о завоеваниях стран». Ко времени Йакута сохранились труды ал-Балазури (вторая половина IX в.) и ал-Куфи (начало X в.). При глухих ссылках на «Китаб ал-Футух» географ, очевидно, имел в виду книгу ал-Балазури как более надежный источник.

ибо в ряде случаев приводятся параллельные версии завоевания, что было свойственно писательской манере этого историка. Так, о подчинении Абиварда Йакут сообщает следующее: «Абивард был завоеван Абдаллахом б. Амиром б. Курайзом в 31 году. Говорят [также], что он был завоеван до этого ал-Ахнафом б. Кайсом ат-Тамими»³⁹.

Информация Йакута и некоторых других географов о ранних мусульманских завоеваниях, как правило, либо несколько короче, либо пространнее процитированной выше. В первом случае сообщается время (чаще — год) или сам факт завоевания того или иного города, способ его подчинения — «силой оружия» (*‘анватан*) или «мирный» (*сулхан*); эти сведения нередко дополняются именами военачальника и халифа, при котором это событие имело место:

«Завоевал его (Балх. — *А.К.*) Абдаррахман б. Самура при (букв. «в дни») Му‘авии б. Абу Суфйане»⁴⁰;

«Подчинил его (город Бабну в области Бадгис. — *А.К.*) Салим, моула Шарика б. ал-А‘вара, для Абдаллаха б. Амира в 31 году силой оружия»⁴¹;

«В ал-Футухе сказано о нем (о городе Багун в области Бушандж. — *А.К.*), что мусульмане подчинили его силой оружия в 31 году»⁴²;

«Раскан — город (или область, в тексте — *балад*) в Тохаристане. Ал-Ахнаф завоевал его в 32 году силой оружия»⁴³;

«Он (Синдж, населенный пункт под Мервом. — *А.К.*) был подчинен силой оружия, а Мерв был подчинен мирным путем»⁴⁴.

Большая подробность в изложении военных событий на других территориях достигается за счет освещения сопутствующих обстоятельств:

«Баннат... — город [в области] Кабул. В „Китаб ал-Футух“ [говорится], что ал-Мухаллаб б. Абу Суфра в 44 году при Му‘авии напал на границу ас-Синда и прошел до Банната и Лахора, которые расположены между ал-Мултаном и Кабулом. Его встретил противник. Ал-Мухаллаб и те, кто с ним, сразились с противником»⁴⁵.

О завоевании Гузгана Йакут, ссылаясь на ал-Мада‘ини, сообщает: «Ал-Ахнаф б. Кайс одолел врагов в Тохаристане. Часть их ушла в ал-Джуджан. Ал-Ахнаф послал против них ал-Акра б. Хабиса ат-Тамими. Они сразились в ал-Джуджане. Часть мусульман погибла. Затем враг побежал. Ал-Джуджан был завоеван в 33 году»⁴⁶.

В словаре Йакута сюжеты ранних походов мусульман в Хорасан встречаются в полусотне статей. Большинство их известны по источникам IX–X вв. и не являются оригинальными. Но, собранные вместе, эти сведения дают возможность более рельефно представить направления и последовательность мусульманской экспансии на восток в глубь территории, очерченной границами современного Афганистана.

У ал-Йа‘куби тема первых походов мусульман в Хорасан неоднократно всплывает в главе о хорасанских наместниках.

В VIII–X вв. происходит значительное расширение территории Хорасанского наместничества в результате регулярных походов мусульман против «неверных», утверждение политической власти ислама (Халифата) на землях к востоку от Герата и Заранга. VIII и IX века отмечены частыми восстаниями местного населения против халифской администрации и укреплением позиций восточноиранских феодалов и

³⁹ Йакут. I. С. 111. Стк. 17–18.

⁴⁰ Kitāb al-boldān auctore Ahmed ibn Abī Jakūb... al-Jakūbī // BGA VII. 1892. С. 287. Стк. 13–16 (далее — ал-Йа‘куби). У этого же автора в другом месте есть и более подробная версия событий.

⁴¹ Йакут. I. С. 487. Стк. 9–11.

⁴² Там же. С. 474. Стк. 9–10.

⁴³ Йакут. II, с. 780. Стк. 12.

⁴⁴ Там же. III. С. 161. Стк. 7–11.

⁴⁵ Там же. I. С. 747. Стк. 11–13.

⁴⁶ Там же. II. С. 149. Стк. 12–15.

роли древних династий, середина XII в. — вторжением в Хорасан тюркских племен, которые современники событий называют гуззами. При Йакуте имеет место монголо-татарское нашествие в Хорасан; новых завоевателей он называет татарами.

Такая канва событий вырисовывается при чтении географических сочинений IX–XIII вв. Вместе с тем факты военно-политической истории не даются у географов в чистом виде, вне связи с деятельностью наместников, халифов, религиозной политикой и т.д.

По обилию информации военно-политического характера здесь наибольшую ценность представляют географы IX–X вв., а Йакут отходит на второй план. Исторические экскурсы ограничиваются у него темой древней истории и ранних мусульманских завоеваний (VII в.), описание или просто фиксация более поздних событий в статьях его «Словаря» уступают место спискам известных личностей (факихов, шейхов, историков, литераторов, везиров), прославивших ислам и носивших нисбу их родного города или селения. Факт монгольского нашествия в Среднюю Азию и восточный Иран в начале XIII в. исчерпывается у него свидетельствами очевидца (в качестве которого часто выступает сам автор) о том, что такой-то город или селение он посетил до нашествия татар и застал его в таком-то виде.

Из ранних географов основную массу информации о событиях VIII–IX вв. дают ал-Йа'куби (конец IX в.) и ал-Мас'уди (середина X в.). Первый сосредоточивает ее главным образом в главах, посвященных наместникам Систана и Хорасана⁴⁷, второй привязывает исторический материал к характеристике деятельности омейядских и аббасидских халифов. У того и другого изложение предельно сжато, ограничивается фиксацией факта (иногда и обстоятельств) военного похода, организованного при том или ином наместнике или халифе, и его результатов. Вся эта информация датируется с точностью от одного года до нескольких лет, поскольку при отсутствии дат датировочным признаком являются имена халифов, годы жизни которых давно известны и сведены в таблицы.

Как следует из источников, военная экспансия ислама в тот период осуществлялась по трем главным направлениям — в Мавераннахр, в Тохаристан и в области к востоку от Систана. Неоднократное упоминание о походах в одни и те же земли при разных наместниках дает возможность судить об этапах и последовательности политического подчинения территорий на востоке.

В своих исторических экскурсах географы не обходят молчанием и оппозиционные течения в Восточном халифате, более подробно останавливаются на движениях, имевших серьезные политические последствия, в частности на антиомейядском выступлении Абу Муслима в Хорасане⁴⁸. Движение Саффаридов с момента его возникновения до образования династийного государства лучше всего изложено у ал-Истахри, Ибн Хаукала, безымянного переводчика ал-Истахри (XI–XII в.) в главах, посвященных Систану⁴⁹. Заслуживает также внимания приведенный только у Ибн Хаукала рассказ о волнениях городского населения Герата, поддержанных местным правителем. Источник характеризует это движение как бунт, вовсе не касаясь его мотивов, но вполне конкретно сообщает о судьбе мятежного города. Полководец наместника подчиняет город мирным путем, а цитадель — силой оружия. По приказу наместника оборонительные стены и цитадель разрушаются до основания, «как если бы там не было вовсе ни стены, ни цитадели»⁵⁰.

Один из переписчиков труда Ибн Хаукала, живший во второй половине XII в., добавил в текст первоисточника вставки, которые сообщают некоторые сведения

⁴⁷ ал-Йа'куби. С. 282–286, 295–308.

⁴⁸ Там же. С. 302–303; ал-Мас'уди. С. 327–328.

⁴⁹ ал-Истахри. С. 246–247; Ибн Хаукал. С. 302–303; Истахри (перс.). С. 197–198.

⁵⁰ Ибн Хаукал. С. 317. Стк. 6–12.

о нашествии гуззов и изменении топографии городов к его времени. В главе, посвященной Хорасану, таких вставок три: о разрушении Нишапура гуззами в 549 г.х. (1154 г.) и возрождении города на новом месте тридцать лет спустя⁵¹; о разрушении гуззами Балха в 550 г.х. (1155 г.) и возрождении города рядом с прежним⁵²; о судьбе соборных мечетей Мерва к 580 г.х. (1184 г.)⁵³. Правда, эти сведения относятся скорее к истории городов, чем к военно-политической истории в строгом смысле слова, но они частично заполняют хронологическую лауну между временем ранних географов и Йакута. Идеальным хронологическим заполнителем в «Словаре» Йакута являются списки религиозных деятелей, ученых, писателей и поэтов, юристов, везиров и других деятелей мусульманского востока, живших в период с VII по XIII в.

3. Этнический состав населения Хорасана и соседних областей. Конфессиональная ситуация

В географической литературе IX–XIII вв. тема этноса не является самостоятельным объектом исследования. Она возникает попутно в связи с описанием городов и провинций, в тех случаях когда автор этническую принадлежность населения той или иной местности выделяет в качестве ее характерной особенности. Одни географы уделяют этой теме больше внимания, другие — меньше, третьи практически ее не касаются ни в каком контексте. Все это создает впечатление пестрого и случайного материала. Собранный вместе, он еще не создает полной картины народонаселения восточного Ирана и территорий современного Афганистана в раннеисламскую эпоху, но помогает уточнить районы расселения основных этнических групп.

На представлениях географов об основном этносе — персах сказалось влияние домусульманской иранской государственности, отводившей персам-зороастрийцам ведущую роль среди подчиненных народов на обширных пространствах от Евфрата до Индии.

В середине X в. ал-Мас'уди следующим образом обозначил границы расселения персов: горные районы Мидии и соседних областей, Азербайджан (Иранский или Южный Азербайджан) до Армении, Арран и Байлакан до Дербенда, прикаспийские области Шабаран, Табаристан и Гурган, Рей, Маскат (восточный Оман), Абаршахр (Нишапур), Герат, Мерв и другие области Хорасана, Систан, Керман, Фарс, Ахваз (Хузистан) «и все, что из иранских земель примыкает к этому в настоящее время». Все эти страны (области) составляли единое государство с одним царем и единым языком. Различия в языке между ними были незначительны. Среди иранских языков автор выделяет пахлави, дари и азари — язык северо-западного Ирана⁵⁴.

Нетрудно заметить, что в данном контексте понятие «персы» объединяет иранскую общность народов, населявших земли исторического Ираншахра в сасанидскую и раннемусульманскую эпоху (с III по X в.).

Условность обобщающей схемы ал-Мас'уди становится очевидной при наложении на нее данных по региональным этносам, почерпнутых из сочинений других географов, предшественников и современников ал-Мас'уди.

Наличие иранского этноса (*ал-'аджам*) ал-Йа'куби (конец IX в.) отмечает в Тусе, Нишапуре, Серахсе, Мерве, Герате, Бушандже, в Систане, т.е. в областях западного

⁵¹ *Ibn Hauqal*. Configuration de la terre (Kitab Surat al-ard). Introd. et trad. ... par J.H. Kramers et G. Wied. T. I. II. Beyrouth—Paris, 1964. С. 417 (далее — Ибн Хаукал—Крамес).

⁵² Там же. С. 433.

⁵³ Там же. С. 420–421.

⁵⁴ *Kitab at-Tanbih wa'l-Ischrâf* auctore al-Masûdi // BGA VIII. 1894. С. 77–78 (далее — ал-Мас'уди).

Хорасана⁵⁵. Но, согласно тому же источнику, во всех перечисленных областях персы живут рядом с арабами: в Тусе обосновались арабы-тайиты и другие, но большинство населения составляют персы; в Нишапуре — арабы и персы (без указания их количественного соотношения); то же — в Серахсе; в Мерве — «благородные из иранских дехканов» (*ашраф мин дахакин ал-'аджам*) и арабы из племен азд, тамим и других; в Герате — «благородные из персов» и арабы; в Бушандже — «смесь из иранцев (*ахлат мин ал-'аджам*) и немного арабов»; в Систане — иранцы, большинство которых претендует на йеменское происхождение.

География расселения персов и арабов у ал-Йа'куби не перекрывает всей территории западного Хорасана. Создается впечатление, что для автора важно было не столько осветить этническую картину той или иной области, сколько выделить в них наличие арабского элемента. Его информация объективно отражает результаты процесса миграции арабов на восток в ходе многократных военных походов и оседания завоевателей на подчиненных землях.

Для ал-Йа'куби и некоторых более поздних географов арабы в Хорасане и соседних с ним областях были явлением неординарным, поэтому их присутствие в больших массах обязательно фиксировалось. География расселения арабов у других авторов выходит за рамки, очерченные ал-Йа'куби.

Ал-Мукаддаси (конец X в.) упоминает о наличии арабского населения в Хулме, городе Балхской провинции («Хулм — небольшой город аздитов»)⁵⁶, в Симинджане, расположенном в Тохаристане («население — из тамимитов»)⁵⁷, в лесистой местности Хаст в провинции Балх («там — арабы»)⁵⁸. Махан в Керманской области Бардасир он вообще считает арабским городом (*ва махан мадинат ал-'араб*)⁵⁹.

Как бы дополняя ал-Мукаддаси, его персоязычный современник отмечает, что в Герате «много арабов»⁶⁰ и что в пустынях Гузганана живут 20 тысяч арабов, которые разводят овец и верблюдов; «эти арабы богаче всех арабов, рассеянных по всему Хорасану»⁶¹. Таким образом, имея достаточное представление о расселении арабов в Хорасане, автор «Худуд ал-'Алам» счел нужным упомянуть о них только в двух случаях: в первом — в связи с их многочисленностью в одном из главных городов Хорасана, во втором — в связи с родом их занятий, отличным от остальных арабов имущественным положением и вассальной зависимостью от удельного правителя Гузганана.

Косвенным свидетельством этнической принадлежности является у географов информация о языке населения. И если сведения об употреблении арабского языка в той или иной области еще не доказывают, что в ней живут арабы, то указания на распространенность персидского (или тюркского) как раз предполагают наличие в ней иранского (тюркского) элемента. В этом отношении наиболее полную информацию по Хорасану дает ал-Мукаддаси в пространном экскурсе о языках (*алсинат*), а точнее — о диалектах Хорасана в современном понимании⁶².

За сто с лишним лет после издания труда ал-Мукаддаси исследователи несколько раз обращались к этому сюжету, но пересказывали только тот небольшой отрывок, где говорится о степени близости одного диалекта к другому⁶³. При этом отмечалось,

⁵⁵ Йа'куби. С. 277–281.

⁵⁶ Ср.: Йакут. II. С. 465: «Это — город арабский (или — „принадлежит арабам“). Там поселились асидиты, тамимиты и кайситы во время завоеваний».

⁵⁷ Ср.: Йакут. III. С. 142: «Там часть арабов-тамимитов».

⁵⁸ ал-Мукаддаси. С. 303.

⁵⁹ Там же. С. 462.

⁶⁰ Худуд. С. 38 (л. 196).

⁶¹ Там же. С. 41 (л. 21а).

⁶² ал-Мукаддаси. С. 334–335.

⁶³ См., например: Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. М., 1960 (2-е изд. — 1988 г.). С. 280.

что ал-Мукаддаси, конечно, не специалист-филолог, но его сведения заслуживают внимания. Такая верная по сути характеристика все же не раскрывает ни отношения писателя к хорасанским диалектам, ни степени его знакомства с ними. Да и сама иллюстрация материала, а не его пересказ при всей краткости позволяет специалисту лучше судить о том, идет ли речь об отдельном языке или о диалекте. На персидский язык отрывок переведен М. Муином⁶⁴.

С некоторыми сокращениями, полностью опуская притчу о функциональном назначении языков и почти полностью — характеристику диалектов и языков Мавераннахра, приводим собственный перевод текста:

«Они (хорасанцы) говорят на разных языках. Что касается языка Нишапура, то он изыщен, понятен, однако они ломают начало слова (или: ставят кесру в начале слова) и добавляют *йа*⁶⁵, например говорят: *бигу*, *бишав*; без пользы добавляют *син* в словах, например говорят *бихурдасти*, *бикуфтасти*, *бихуфтасти* и так далее. В нем есть мягкость и настойчивость (*рахават ва ладжадж*)⁶⁶.

У населения Туса и Нисы — самый лучший язык⁶⁷. Речи [людей] Систана присущи неприязнь и вражда. Они исторгают ее (речь) из груди и говорят громко. Язык Буста — лучше⁶⁸. Язык обоих Мервов (Мерва и Мервруда. — А.К.) неплох, однако они (мервцы) имеют обыкновение растягивать фразы. Так, считается, что если нишапурцы говорят *бара-йи ин*, то они (мервцы) говорят *ба тарун-и ин*⁶⁹, то есть для этого. Они считают удобным добавлять лишние буквы⁷⁰.

Язык Балха — лучший из языков, однако в нем есть плохие слова. Язык Герата — дикий⁷¹. Они напускают на себя серьезность, ведут себя агрессивно, после этого исторгают слова, замаранные ругательствами⁷².

Это⁷³ — основа языков Хорасана. Другие следуют за ней, ответвляются от нее, возвращаются к ней. Языки Туса и Нисы относятся к⁷⁴ нишапурскому. Языки Серакса и Абиварда близки к языку Мерва⁷⁵. Язык Гардж аш-Шара (Гарджистана) занимает среднее положение между гератским и мервским, а язык Джудждана — между мервским и балхским. Языки Бамйана и Тохаристана близки к балхскому, но в них есть неясности⁷⁶.

Язык Хорезма непонятен⁷⁷. В языке бухарцев имеются непонятные повторы. Например, они говорят [*а'тайту*] *йак-и дирам-и*⁷⁸ или *ра'айту йак-и мард-и*. Другие

⁶⁴ Mohammad Hosain ebn-e Khalaf de Tabriz. Borhān-e Qāte' (Dictionnaire de la langue Persane)... par M. Mo'īn. Vol. I. Teheran, 1963. Введение. С. 43–44. Перевод выполнен по второму изданию труда ал-Мукаддаси.

⁶⁵ Муин переводит «добавляют ба» (так, очевидно, в новом издании).

⁶⁶ Термином *хуруф ар-рахават* в современных словарях обозначают фрикативные согласные.

⁶⁷ Муин переводит не совсем точно: «Язык населения Туса и Нисы лучше него» (нишапурского. — А.К.).

⁶⁸ В Константинопольском списке добавлено: «В их рустаках и в рустаках Нишапура язык другой, дикий».

⁶⁹ У Муина: *батра-йи ин*.

⁷⁰ У Муина: «такого рода [отступлениями] они пользуются часто».

⁷¹ В Константинопольском списке: «Нет во всем климате более дикого языка, чем гератский».

⁷² У Муина дан упрощенный и более короткий перевод фразы.

⁷³ У Муина: «Эти шесть» (отступление от оригинала).

⁷⁴ У Муина: «близки к» (не совсем точно).

⁷⁵ В Константинопольском списке добавлено: «однако жители Абиварда свистят во время разговора».

⁷⁶ Вариант Константинопольского списка: «Языки Мервруда и Джудждана близки к балхскому и мервскому».

⁷⁷ В Константинопольском списке добавлено: «Языки Амоля (здесь: город на Амударье. — А.К.) и Фарбара по звучанию похожи на хорезмийский, а по ясности — на бухарский. Язык Термеза близок к балхскому».

⁷⁸ Принимаем конъектуру Бахара и Муина вместо непонятного диалектного слова *адарм-и* (так в тексте). Странность цитируемых примеров ал-Мукаддаси усматривает в двойном выражении единичности — с помощью числительного *йак* перед словом и посредством выделительного суффикса *-и* (*йа-и вахдам*) в конце слова.

же (небухарцы) говорят *а'тайту дирам-и* («я дал дирхем». — А.К.), и только. Кроме того, в речи они добавляют ненужное слово *данисти*.

Однако это — *дари*. Он потому называется *дари*, что на этом языке пишут султанские послания, составляют на нем ему (султану) донесения. Название происходит от (слова) *дар*, то есть „Врата“, „двор (царский)“. Это — речь, на которой говорят при дворе...»

Процитированный отрывок свидетельствует о том, что ал-Мукаддаси прекрасно разбирался в языковой обстановке в Хорасане своего времени. Отмеченные в его рассказе примеры диалектных различий и пристрастность, с которой автор противопоставляет одни «языки» другим, обнаруживают в нем человека, долго жившего в Хорасане и имевшего контакты с населением разных его районов.

По ал-Мукаддаси, ареал распространения персидского языка и его диалектов в Хорасане включает районы от Нишапура и Туса на западе до Бамйана и Тохаристана на востоке, от Мерва и Амударьи на севере до Систана и Буста на юге. Эпизодическое противопоставление языка городов языку рустика может указывать как на различия между литературной нормой и диалектом, так и на то, что ираноязычный элемент не везде численно преобладал, но иногда оказывался в меньшинстве в окружающей массе населения рустика.

В середине X в. неираноязычным было, по-видимому, население Гура, на что указывает следующее замечание географа: «Их (гурцев) язык отличается от языка жителей Хорасана»⁷⁹. Сам факт противопоставления языка Гура не какому-то отдельному диалекту, а языку всех хорасанцев говорит о принципиальных различиях между ними и, следовательно, о численном превосходстве в Гуре иного этноса. К XII в. положение, по-видимому, изменилось в пользу персидского («хорасанского») ⁸⁰.

В нескольких случаях источники, не раскрывая этнического состава населения в том или ином городе (области), ограничиваются замечанием, что там население смешанное. Так обстоит дело в Валвалидж, административном центре Тохаристана: «население смешанное» (*ва мардуман амизанде*)⁸¹ и в Панджахире, городе в Балхской провинции⁸². Далее Йакут отмечает, что между разными группами населения имеют место вражда и кровопролитие. В начале XIII в., как и раньше, регулярные столкновения могли возникать и на конфессиональной, и на этнической почве и при стечении этих двух факторов, разединяющих население. Учитывая то обстоятельство, что, по ал-Мукаддаси, Тохаристан и Балх находятся в сфере хорасанских «языков», одной из главных этнических групп смешанного населения в этих областях были иранцы (персы и таджики), в другую входили представители иного этноса. Ибн Хаукал и переводчик труда ал-Истахри сочли необходимым отметить, что в Банджахире (Панджахире) люди «плохие» (*муфсид*)⁸³.

Судя по географической литературе, на территории, составляющей восточную оконечность современного Афганистана (в треугольнике Газни–Гардиз–Кабул), а также в некоторых районах Систана и в Гуре в IX–XII вв. существовало мощное племенное объединение тюрков-халаджей, проникших на эти земли «в давние времена»: «халаджи — подразделение тюрков» (*ал-халадж синф мин ал-атрак*)⁸⁴; «халаджи — племя

⁷⁹ ал-Истахри. С. 281.

⁸⁰ Откровенное высказывание на этот счет встречается в персидском «переводе» труда ал-Истахри: «Язык Гура тот же, что и язык Хорасана» (*ва забан-и гур чун забан-и хурасан аст*) (Истахри (перс.). С. 220). Нет никаких оснований упрекать персидского переводчика в слабом знании арабского языка. Здесь, как и в других случаях, он отступает от оригинала, исправляя устаревшие за полтора века сведения.

⁸¹ Худуд. С. 42 (л. 216).

⁸² Йакут. I. С. 743–744.

⁸³ Ибн Хаукал. С. 327; Истахри (перс.). С. 219.

⁸⁴ ал-Истахри. С. 245; Ибн Хаукал. С. 302.

тюрков» (*ва халадж каум-и туркан*)⁸⁵. Источники добавляют, что укладом жизни и внешним обликом халаджи похожи на тюрков, говорят по-тюркски. Переводчик сочинения ал-Истахри упоминает о халаджах и в связи с курдами, кочующими в степях и пустынях Кухистана, т.е. на западе Хорасана⁸⁶.

Автор конца X в. ошибочно, как доказал В.Ф. Минорский, называет халаджей халухами, смешивая их с тюрками-харлухами, кочевывшими в степях севернее Гиндукуша. Смешение двух племенных групп в одну привело его к тому, что район расселения халаджей он представляет значительно шире: Газни с примыкающими землями, Буст, Гузганан, Балх и Тохаристан⁸⁷. Из этого списка областей безусловно следует исключить Балх и Тохаристан, так как район северных отрогов Гиндукуша был местом обитания тюрков-харлуков. Исторически халаджи и халухи (харлухи, карлуки) обитали на соседних пространствах, и в источнике IX в. те и другие упоминаются как соседи на зимних кочевьях под Таласом⁸⁸.

Географ начала XIII в., перефразировав ал-Истахри (или использовав более ранний текст его сочинения), пишет, что халаджи «проникли в давние времена на земли Кабула, которые находятся между Индией и районами Систана», обозначив самый восточный предел оседания этой народности⁸⁹. Он же или переписчик его труда изменил огласовку названия племени — *ал-хилдж* вместо *ал-халадж*, предоставляя современными исследователям пищу для размышлений относительно генетических или иных связей между тюркской народностью и афганским племенем гильзаев. Согласно выводам современной науки, халаджи являются потомками эфталитов. Часть их осталась севернее Гиндукуша, другая часть мигрировала на юг Афганистана. Южные халаджи в процессе нескольких этнических трансформаций превратились в пуштуязычное племя гильзаев⁹⁰.

Ранние мусульманские географы характеризуют население Кабула лишь с точки зрения его конфессиональной принадлежности. Но и в этом случае отчетливо проявляется сосуществование разных этнических групп. Это прежде всего индусы, которых авторы X–XI вв. называют идолопоклонниками и кафирами⁹¹. То обстоятельство, что мусульмане и кафиры живут компактными массами в разных частях города, косвенно указывает и на их этническое различие. Поскольку неоднократное мусульманское завоевание Кабула осуществлялось отрядами наместников Хорасана и Систана, естественно предположить, что основную массу мусульман в гарнизонах составляли ираноязычные поселенцы.

В «Худуд ал-‘Алам» мы впервые в географической литературе встречаем упоминание об афганцах: «Саул — благоустроенное горное селение, в котором живут афганцы (*афганан*)»⁹². Краткое описание местности не очень помогает в локализации малоизвестного населенного пункта, но в контексте двух топонимов, названных до Саула (Банихар или Нинхар, Нангархар) и после него (Гардиз), можно утверждать, что Саул располагался недалеко от юго-восточной границы современного Афганистана⁹³. В X в. этот район традиционно относили к Индии. В том же источ-

⁸⁵ Истахри (перс.). С. 196.

⁸⁶ Истахри (перс.). С. 216.

⁸⁷ Hudūd al-‘Ālam, “The Regions of the World”. A Persian Geography 372 A.H. — 982 A.D. Transl. and expl. by V. Minorsky // “E.J.W. Gibb Memorial” Series. New Series. L., 1937. Vol. XI. С. 111–112 (далее — Худуд–Минорский).

⁸⁸ Ибн Хордадбех. С. 28.

⁸⁹ Якут. IV. С. 220.

⁹⁰ History of Civilizations of Central Asia. Vol. III. The Crossroads of Civilizations (A.D. 250 to 750). P. UNESCO Publishing, 1996. P. 179–182.

⁹¹ Худуд. С. 43 (л. 22а); Истахри (перс.). С. 219–220.

⁹² Худуд. С. 31 (л. 16а).

⁹³ Худуд–Минорский. С. 251–253.

нике в числе многочисленных жен правителя Банихара (Нинхара), выдающего себя за мусульманина, есть упоминание о женщинах-афганках рядом с мусульманками и индусками⁹⁴. Роль нового этнического элемента неуклонно возрастала, и в первой половине XI в. Газневиды вынуждены были защищать свою столицу от афганцев⁹⁵.

Указание на обилие буддийских храмов (*бутханаха*) в Банихаре и соседних с ним Ламгане (Лагмане) и Динуре косвенно свидетельствует о многочисленности индийского этнического элемента в Нангархарской долине и примыкающих к ней районах, хотя более конкретные данные на этот счет здесь, как и везде, отсутствуют.

Города Ламган и Динур значатся в источнике как центры транзитной караванной торговли, в которых собираются купцы со всего Хорасана (т.е. в большинстве персы, таджики, возможно, согдийцы), однако о численности их колоний можно только догадываться⁹⁶.

О миграциях тюрок на пространствах между Гиндукушем и Амударьей источники сообщают неоднократно. Их сведения не всегда конкретны как в смысле характеристики этноса («Раст — крайний предел Хорасана... через который вторгались тюрки. Там ал-Фадл б. Йахйа б. Халид б. Бармак поставил ворота»)⁹⁷, так и в определении ареала миграции: «В его (Тохаристана) степях живут тюрки-халухи»⁹⁸.

Географы X в. пространство между Мервом и Хорезмом называли «землей гуззов» (*билад ал-гуззийа*), которая была знаменита разведением породистых овец⁹⁹. Автор хроники середины XI в. сообщает о том, что гуззы (огузы) весьма беспокоили Газневидов, поддерживая их противников¹⁰⁰. Более поздние источники фиксируют появление гуззов в северо-западном Хорасане как завоевателей в середине XII в.: в 548 г.х./1153 г. они разрушили Нишапур¹⁰¹, в 550 г.х./1155 г. — Балх¹⁰², в 553 г.х./1158 г. — Данданакан¹⁰³. Имя огузов (гуззов) в сочинениях их мусульманских современников всплывает только в связи с завоеваниями, их этническая характеристика опускается. Точно так же Йакут фиксирует во многих статьях своего словаря появление монголо-татар в Хорасане, которых он называет просто татарами.

Население Кермана в географической литературе предстает этнически неоднородным. Самое общее, имеющее скорее ретроспективную ценность определение встречается у Йакута: «Хабис — окраина страны парфян, язык которых Бог стер, а страну — изменил»¹⁰⁴. Даже такое определение справедливо только для северной половины Керманского климата.

Географы X–XI вв. обнаруживают в Кермане четыре этнические группы: персы, белуджи, куфичи, арабы.

⁹⁴ Худуд. С. 31 (л. 16а).

⁹⁵ Kitāb Zainu'l-Akhbar Composed by Abu Sa'id... Gardizi. Ed. by M. Nazim. L., 1928. С. 109 (далее — Гардизи).

⁹⁶ По-видимому, Ламганов было несколько, Йакут (т. IV, с. 343) помещает их в районе Газны. По его определению, Ламаган — селение в Газне («Ламаган — район (*кура*), состоящий из нескольких селений в горах Газны; иногда [его] называют Ламган»). Упоминание Ламгана в «Худуд» рядом с Динуром дает основание локализовать его в современном Лагмане. Эта локализация подтверждается сведениями ал-Бируни.

⁹⁷ Ибн Хордадбех. С. 34. Немного подробнее, но почти в тех же выражениях об этом сообщает и Йакут (т. II. С. 733).

⁹⁸ Худуд. С. 42 (л. 21б).

⁹⁹ ал-Истахри. С. 281–282; Ибн Хаукал. С. 329–330.

¹⁰⁰ Гардизи. С. 64.

¹⁰¹ Йакут. IV. С. 858.

¹⁰² Ибн Хаукал—Краммерс. С. 433. Краммерс пользовался списком труда Ибн Хаукала, дополненным интерполяциями XII в.

¹⁰³ Йакут. II. С. 610.

¹⁰⁴ Там же. С. 401.

Арабский город Махан в Керманской провинции уже упоминался выше со ссылкой на ал-Мукаддаси.

О персах как о народности в источниках не говорится, но языковая характеристика Керманского климата, которая встречается у географов, не только свидетельствует об их наличии в Кермане, но более того — об их численном превосходстве. Так ал-Мукаддаси отмечает: «Их (керманцев) язык понятен и близок к хорасанскому. Иногда непонятен язык рустака. Языки куфсов и балусов непонятны и похожи на синдский язык»¹⁰⁵. Таким образом, в качестве языка основной массы населения здесь выделяется язык, близкий к хорасанскому, на котором говорят в городе и в значительной части рустаксов.

Более определенно высказываются на этот счет ал-Истахри, Ибн Хаукал и персидский переводчик сочинения ал-Истахри. Отдавая дань языковой ситуации в Кермане, ал-Истахри пишет: «Язык населения Кармана — фарси, что же до куфсов, то у них наряду с фарси [используют] язык куфси. То же — у балусов и у [горцев] ал-Бариза: наряду с персидским они пользуются другим языком»¹⁰⁶.

Экскурс о малых народностях Кермана представляет повествование о белуджах и куфичах, причем рассказ об одних незаметно переходит в рассказ о других, и уже сами географы не могли разобраться, какие характеристики относятся к куфичам, а какие — к белуджам. Те и другие в разных источниках называются по-разному. Куфичи — *куфс* (ал-Истахри, Ибн Хаукал, ал-Мукаддаси), *куфидж* (Худуд ал-'Алам), *куч* (Истахри, перс.). Белуджи — *балус* (ал-Истахри, Ибн Хаукал, ал-Мукаддаси), *балудж* (Худуд ал-'Алам), *балуч* (Истахри, перс.).

Наиболее обстоятельным является повествование Ибн Хаукала, который, взяв за основу лаконичную характеристику ал-Истахри, дополнил ее существенными подробностями. По Ибн Хаукалу, куфичи занимают обширную горную область Джибал ал-куфс (в «Худуд» — персидский эквивалент названия, Кух-и куфидж), южной границей которой является «море» (т.е. Персидский залив), северной — районы Джируфта и Рудбара, восточной — районы Ахваша и пустыни перед Мекраном, западной — районы расселения белуджей, Мануджана и Хормуза. Фактически речь идет о юго-восточной оконечности Кермана. Эта область состоит из семи «гор» (по-видимому, из семи горных районов), каждой из которых правит свой вождь. Они (куфичи)¹⁰⁷ — одно из подразделений курдских племен (*синф мин ал-акрад*), образ их жизни такой же, как у курдов. Они независимы и решительны. Их около 10 тысяч. Правитель выдает им довольствие, но они занимаются разбоем на дорогах по всему Керману от Фарса до пустынь Систана. Буйдский правитель пытался одолеть их силой. Затем мобилизовал их на службу и разослал в разные концы своих владений¹⁰⁸. Они заявляют, что происходят от арабов¹⁰⁹.

В «Худуд ал-'Алам» сказано, что куфиджи — это люди, живущие на горе Куфидж. Они — горцы, их семь групп (*горух*), и во главе каждой группы стоит вождь (*мехтар*). Эти куфиджи, так же как и белуджи, — вору, пастухи и земледельцы¹¹⁰. Далее следует описание местности, отдаленно напоминающее тот же сюжет у Ибн Хаукала.

У ал-Истахри и переводчика его сочинения описание границ территории куфичей практически идентично тексту Ибн Хаукала. Но за описанием следует рассуждение

¹⁰⁵ ал-Мукаддаси. С. 471.

¹⁰⁶ ал-Истахри. С. 167; ср.: Ибн Хаукал. С. 224; Истахри (перс.). С. 144.

¹⁰⁷ Крамерс или его источник (список) все повествование после фиксирования западной границы Джибал ал-куфса ошибочно связывает с белуджами (с. 304), что противоречит как логике, так и сведениям автора «Худуд ал-'Алам».

¹⁰⁸ Последняя мысль содержится только в списке, которым пользовался Крамерс.

¹⁰⁹ Ибн Хаукал. С. 220–221; ср.: ал-Истахри. С. 164.

¹¹⁰ Худуд. С. 52 (л. 266).

о семи процветающих горах с пальмами, развитым земледелием и скотоводством. Этническая привязка отсутствует, географы ограничиваются замечанием, что на каждой горе правит *ра'ис*, поставленный султаном. Далее говорится о разбое этих абстрактных горцев на дорогах Кермана, их претензиях на арабское происхождение¹¹¹.

Краткий экскурс о белуджах у ал-Истахри, в его персидской редакции, и у Ибн Хаукала в целом однороден, если не считать собственные дополнения переводчика и Ибн Хаукала к версии ал-Истахри. Согласно этой версии, белуджи живут у подножия горы Куфс или в горной области Куфс. Они ведут кочевой образ жизни, миролюбивы, никому не причиняют вреда. Куфичи, которые не боятся никого, опасаются белуджей¹¹². Ибн Хаукал добавляет к этому, что с помощью белуджей буидский правитель Шираза смог справиться с куфичами. Персидский переводчик труда ал-Истахри дополняет оригинал иранским эквивалентом названия куфичей и указывает на существующую между двумя этническими группами связь: «*Куфс* на фарси — это *куч*. Эти две народности (*каум*) именуют *куч* и *балуч*»¹¹³.

Рассказ автора «Худуд ал-'Алам» о белуджах несколько отличается от версии ал-Истахри и его последователей. Район их кочевий он очерчивает более точно: это степь между городами Магун, Валашгерд, Кумин, Бахрукан, Манукан и горой Куфич, т.е. центральная часть южного Кермана между Джибал куфс и рекой Руде Ширин на современной географической карте¹¹⁴. В отличие от других географов он называет белуджей ворами, перенося на них характеристику куфичей, считает их пастухами, лишенными страха и милосердия. Он отмечает также, что раньше их было много, но Банна Хосров (у Минорского — Пана Хосров, у Ибн Хаукала — Фанна Хосров) разными хитростями многих истребил. Заключительный сюжет повествования перекликается с характеристикой отношений буидского правителя к куфичам у Ибн Хаукала, только здесь эти отношения перенесены на белуджей.

С хорасанскими белуджами, возможно, связано название селения Балуджузаджан в области Серахс в Хорасане; нисба *балуджи*, которая сопутствовала именам знаменитых уроженцев этого селения, как будто не исключает такой возможности¹¹⁵.

О присутствии в западном Хорасане кочевников-курдов единодушно сообщают ал-Истахри, персидский переводчик его труда и Ибн Хаукал. Их информация указывает на два района расселения курдов. Первый, наиболее значительный, — пустынные пространства между городами и селениями Кухистана, соседней с Керманом области¹¹⁶. В персидском переводе сочинения ал-Истахри курды, как говорилось выше, соседствуют с халаджами. Островок курдского населения отмечен и в окрестностях городка Уштурдж в пустыне под Анхудом, которому подчинены семь селений и становища курдов (*буйут ли-л-акрад*)¹¹⁷. Географы фиксируют их род занятий (разведение верблюдов и овцеводство), но ни слова не говорят о языке курдов. О курдских правителях области Завазан (или Зузан) в Нишапурской провинции упоминает Йакут¹¹⁸.

¹¹¹ ал-Истахри. С. 164; Истахри (перс.). С. 141.

¹¹² ал-Истахри. С. 164; Ибн Хаукал. С. 221; Истахри (перс.). С. 141.

¹¹³ В XI в., очевидно, не было большой разницы между куфичами и белуджами, по крайней мере появилась устойчивая тенденция объединять эти две народности в одну, о чем свидетельствует отрывок из историко-дидактического сочинения: «Те воры были из *куч-балуч* (или *куч-и балуч*); *куч-балуч* постоянно проживают в Кермане». См.: Seyasat-nāme, ta'lif-e xwāje Neẓām al-Molk. Tehran, 1346/1967. С. 87 (далее — Незам ал-Молк).

¹¹⁴ Худуд. С. 52 (л. 266). См. также: Le Strange G. The Lands of the Eastern Caliphate. Map VI.

¹¹⁵ Йакут. I. С. 480.

¹¹⁶ ал-Истахри. С. 274; Ибн Хаукал. С. 325; Истахри (перс.). С. 216.

¹¹⁷ ал-Истахри. С. 271; ср.: Ибн Хаукал. С. 322.

¹¹⁸ Йакут. II. С. 57.

В географической литературе не сохранилось сведений о евреях как об этносе в Хорасане. Но о существовании их колоний как будто свидетельствует топонимика западного Хорасана. На этноконфессиональную характеристику части населения Балха и его окрестностей прямо указывают названия двух из шести ворот города — «ворота индусов» и «ворота иудеев»¹¹⁹. Не исключено, что от «ворот иудеев» вел путь к одному из двух населенных пунктов в Балхской провинции — селению Джаху-данак или городу Джахудан, отождествлявшемуся в начале XIII в. с Маймане¹²⁰. У Ибн Хаукала есть упоминание об иудеях, живущих в рабаде Кабула¹²¹, но очень возможно, что *йахуд* в тексте рукописи получился в результате искажения *хунуд*, т.е. «индусы»¹²².

Рассмотренный выше материал мусульманских географических сочинений позволяет суммировать наши наблюдения по поводу этнической ситуации в Хорасане IX–XII вв.:

1) ни в одной из областей Хорасана и соседних с ним территорий этнический состав населения не был однородным;

2) этническая ситуация неуклонно менялась в сторону закрепления на землях, подчиненных исламу, этнических групп, принявших новую идеологию, прежде всего иранцев (персов и таджиков) и затем арабов. Ареал их миграции выходил далеко за пределы собственно Хорасана, о чем свидетельствуют косвенные указания источников: «Языки населения Мансуры, Мултана и его районов — арабский (*ал-‘арабийя*) и синдский (*ас-синдийя*). Языки населения Мекрана — персидский (*ал-фарсийя*) и мекранский (*ал-макрийя*)»¹²³. В тот же период заметно численное увеличение тюркского этнического элемента в Хорасане;

3) в этнографических экскурсах географов больше привлекали малые, «экзотические» народности, заявлявшие о себе необычным жизненным укладом, обычаями, одеждой, языком и другими отличительными признаками. Поэтому об иранских народностях они практически не пишут, хотя во многих провинциях, особенно в западном Хорасане, они составляли численное большинство. И только косвенные свидетельства (данные о распространении «хорасанского» языка и его диалектов) позволяют судить о реальной территории расселения иранского этноса в окраинных восточных пределах Халифата в домонгольскую эпоху.

* * *

В этноконфессиональной картине восточного Ирана и большого Хорасана географов все-таки больше интересовала идеологическая сторона проблемы. Это заметно и по их стремлению подменить этническую характеристику конфессиональной, и в их повышенном внимании к достопримечательностям, связанным с религией и культом.

Удельный вес «конфессиональной» информации в общем объеме сведений о Хорасане и соседних областях в географической литературе сравнительно невелик. Она чаще всего не систематизирована, редко учитывалась в современных исследованиях, и уже это обстоятельство дает основание считать ее весьма ценной для характеристики конфессиональной ситуации в регионе.

Весь материал, имеющий отношение к идеологической сфере, условно можно разделить на две большие группы: а) сведения о религиях, религиозных толках и сектах, противоборстве на конфессиональной почве и т.п.; б) сведения о культовых сооруже-

¹¹⁹ ал-Истахри. С. 278 — *баб ал-йахуд*; Истахри (перс.). С. 217–218 — *дар-и джахудан*.

¹²⁰ Якут. II. С. 167–168.

¹²¹ Ибн Хаукал. С. 328.

¹²² Именно так («индусы») у ал-Истахри (с. 280).

¹²³ ал-Истахри. С. 177; Ибн Хаукал. С. 325; ср.: Истахри (перс.). С. 151.

ниях (мечетях, храмах, капищах). Первая группа сведений прямо указывает на распространение той или иной формы идеологии, вторая служит материальным подтверждением распространённости религии на конкретной территории. Обе вместе они помогают составить более четкое представление о сосуществовании в одной местности разных конфессиональных групп.

Среди географов универсальным с точки зрения освещения конфессиональной ситуации является ал-Мукаддаси (конец X в.). Ему свойственно стремление дать наиболее полную картину соотношения различных религий и сект как в Хорасане вообще, так и в отдельных его районах. Темы религии в главе о Хорасане ал-Мукаддаси касается в трех самостоятельных экскурсах, из которых первый дает географию распространения религиозных толков и сект, второй посвящен обычаям населения Хорасана, в том числе особенностям отправления культа, третий дает представление о вражде между различными группами населения, происходящей на идеологической (конфессиональной) почве.

В характеристике конфессиональной обстановки у ал-Мукаддаси нет явно выраженной неприязни к иноверцам и «еретикам», и, может быть, поэтому первый экскурс о религиях Хорасана он начинает с перечисления конфессиональных меньшинств: «В нем (в Хорасанском климате. — А.К.) много иудеев, мало христиан (*насапа*) и есть подразделения зороастрийцев (*аснаф ал-маджус*)»¹²⁴.

Ограничившись этим кратким замечанием, ал-Мукаддаси переходит к более подробной характеристике мусульманских течений и сект. Он считает нужным отметить, что в Хорасане высоко чтут потомков Али б. Абу Талиба. По его мнению, большинство населения исповедует «праведную» веру (*мазахибухум мустакима*). Как видно из дальнейшего повествования, к праведникам автор относит ханафитов и шафиитов. В Систане и в районах Гератской провинции Карух и Астарбайан он отмечает колонии хариджитов (*ал-хаваридж*). В Нишапуре есть общины му'тазилитов, шиитов и каррамитов. Сказав о том, что в Хорасанском климате приверженцы Абу Ханифы находятся в большинстве, он сразу же дает перечень 12 областей (*кура*), полностью шафиитских. Половина этих областей и районов расположена за Амударьей, в Мавераннахре¹²⁵, остальные (Тус, Ниса, Абивард, Синдж, Данданакан, Асфараин) являются собственно хорасанскими. Отдельные общины шафиитов зафиксированы в Герате, Систане, Серахсе, Мерве и Мервруде, в Нишапуре. В Герате и Гардж аш-Шаре (Гарджистане) существуют общины каррамитов, у которых есть *ханака*х и в других концах климата — в Фергане, Хуттале, Джузджанане, в Мервруде и в Самарканде. В рустаках эфталитов (*хайтал*) живут люди, которых называют «одетые в белое», их учение близко к манихейству (*аз-зандака*)¹²⁶, и приверженцы учения Абдаллаха ас-Серахси, которые практикуют пост и причащение (*зухд ва такарруб*). Большинство жителей Термеза — джахмиты (*джахмийа*), жители Ракки (город в Кухистане) — шииты, а жители Кундура — кадариты. В Гардж аш-Шаре по двум праздникам ('ид ал-адха, 'ид ал-фитр. — А.К.) совершают молитвы по «слову» Абдаллаха б. Мас'уда и по учению Абу Ханифы, принимая оба чтения Корана и четырехкратный *такбир*¹²⁷.

Конфессиональная картина, нарисованная ал-Мукаддаси, является далеко не полной, но ее можно взять за основу, уточняя и дополняя сведениями из других источников. В принципиальном плане к ней можно добавить отсутствующие у ал-Мукаддаси

¹²⁴ ал-Мукаддаси. С. 323.

¹²⁵ ал-Мукаддаси включает Мавераннахр в состав Хорасанского климата, но как провинцию рассматривает отдельно.

¹²⁶ Речь идет о хуррамитах, одно из течений которых имеет иранское название *сапидджамаган*. В источнике — *байд ас-сийаб*.

¹²⁷ ал-Мукаддаси. С. 323.

сведения о религиозной обстановке в Гуре, в районах, граничивших с Индией, и районах, которые средневековые географы относили к Индии и которые находятся на восточном берегу современного Афганистана.

География распространения мусульманских религиозных течений и сект, представленная у ал-Мукаддаси, детализируется им самим и другими географами в описаниях отдельных городов и областей. Высказанное среди других общих положений замечание о многочисленности хариджитов в Систане подтверждается сведениями о наличии сторонников этой ереси как в самой столице Систана, в Зарандже, так и в других крупных и мелких городах провинции — в Фарахе, Кувayne, Занбук¹²⁸. В повествовании о правителях систанской династии — Саффаридах важное значение придается их борьбе с хариджитами¹²⁹. После поражения хариджитов в Систане сама секта продолжала существовать вплоть до XIII в. Во всяком случае, Йакут пишет о хариджитах Систана как о своих современниках, которые открыто исповедуют свою веру и гордятся этим. Они одеваются иначе, чем все, и их всегда можно отличить от других. В местечке Каркуйе все жители — хариджиты. У них есть пост, многочисленные молитвы, есть свои факихи и ученые¹³⁰.

Религию Керманского климата в общем виде рассматривают сразу несколько географов, однако более пространный экскурс конфессиональной ситуации, как и в главе о Хорасане, принадлежит ал-Мукаддаси. По ал-Мукаддаси, большинство керманцев придерживаются шафиитского толка. Исключение составляет население Джируфта, в котором число факихов уменьшилось. Традиционалисты (*ахл ал-хадис*) берут верх везде, кроме Хормуза, поскольку там у их проповедников не хватает знаний. Автор сообщает также, что в Бамме существует община хариджитов, которая имеет собственную соборную мечеть, в ней хранится казна¹³¹.

Общая характеристика исламских течений в Кермане у ал-Истахри, в персидской редакции его сочинения и у Ибн Хаукала предельно лаконична. Авторы выделяют компактные группы традиционалистов в Шираджане (Сираджане, Сирагане), «приверженцев самостоятельного суждения» (*ар-ра'й, сахиб-и ра'й*) в Джируфте, шиитов в Рудбаре, Кухистане Абу Ганам, у балусов (белуджей), в Мануджане¹³². В их рассказе названия шафиитов и ханафитов закамуфлированы приверженностью первых к мусульманской традиции, а вторых — к самостоятельному суждению. Сведения о хариджитах в Кермане косвенно всплывают у тех же авторов несколько раньше, при описании достопримечательностей Баммы, из которого следует, что в городе было три пятничных мечети: мечеть хариджитов на базаре рядом с дворцом местного правителя Мансура б. Хурдина, мечеть верующих (*ахл ал-джама'а, ахл-и суннат*) в квартале торговцев тканями и «мечеть в крепости». В соборной мечети хариджитов хранится их казна для садаки. Их еретиков (*шуратухум*) немного, но они богаты¹³³.

Сведения о культовых сооружениях географы сообщают неравномерно: то акцентируют на них внимание при упоминании каждого большого или малого города, то просто забывают об этом. Показательна в этом отношении позиция ал-Мукаддаси, наиболее сведущего в вопросах религии. После перечисления административно-территориальных единиц провинции Нишапур он сообщает любопытную деталь: в 12 рустаках Нишапура насчитывается 6 тыс. селений и 120 мечетей¹³⁴. Однако информация о мечетях раскрывается лишь частично: в дальнейших описаниях населенных

¹²⁸ Там же. С. 305–306.

¹²⁹ ал-Истахри. С. 246; Ибн Хаукал. С. 302–303; Истахри (перс.). С. 197–198.

¹³⁰ Йакут. III. С. 42.

¹³¹ ал-Мукаддаси. С. 468–469.

¹³² ал-Истахри. С. 167; Ибн Хаукал. III. С. 223; Истахри (перс.). С. 143.

¹³³ ал-Истахри. С. 166–167; Ибн Хаукал. С. 223; Истахри (перс.). С. 143; Худуд. С. 53 (л. 27а).

¹³⁴ ал-Мукаддаси. С. 300.

пунктов и районов провинции автор вскользь упоминает о семи мечетях в рустаке Бушт, о мечетях в шести из 70 селений рустака Джунавид и еще о нескольких мечетях в городах разного назначения¹³⁵. Ал-Йа'куби посчитал нужным упомянуть о 47 мечетях в Балхе и о пятничной мечети в Талукане¹³⁶. Кое-какой новый материал о мечетях провинции Нишапур есть у Йакута, но его следует учитывать с поправкой на время: естественно, что в начале XIII в. мечетей было больше, чем в X в. Общее число мечетей, которые локализует в Нишапурской провинции ал-Мукаддаси по городам и округам, составляет всего одну пятую от фактически существовавших в конце X в.

Для характеристики этноконфессиональной ситуации в западном Хорасане несомненную ценность представляют сведения ал-Мукаддаси о столкновениях на религиозной и этнической, а также социальной почве между различными группами населения. Рассказ об этих событиях он начинает с Нишапура. Город, по его словам, расколот враждой между выходцами из Манишака и выходцами из Хиры; «дикая нетерпимость» обращена против неверных (*гайр ал-мазхаб*). В его время эта вражда выливается в столкновения между шиитами и каррамитами. В Систане враждуют между собой самакиты (*ас-самакийя*), которые являются ханифитами, и садакиты (*ас-садакийя*), которые являются шафиитами. Их распри сопровождаются кровопролитием, и в дело вмешивается султан. Серахс отмечен борьбой аруситов (*ал-арусийа*) — они же ханифиты — и ахлитов (*ал-ахлийа*) — они же шафииты. В Герате враждуют амалиты (*ал-амалийа*) и каррамиты, в Мерве — горожане со старым рынком, в Нисе — кварталы ал-Хана и Ра'с ас-сук, в Абиварде — Кардари и Ра'с ал-балад (т.е. ремесленники и городские власти). В Балхе процветает нетерпимость к «неверным», то же — в Самарканде. Экскурс завершается обобщающим заключением, что во всех странах очень немного найдется мест, не занятых враждой¹³⁷.

Сведения географов о религии Гура, обширной горной области между Гератом и Газной, достаточно противоречивы. В этом противоречии отчетливо выделяются две точки зрения, взаимоисключающие одна другую, поскольку обе принадлежат авторам X в., и нет нужды объяснять различие позиций временным фактором.

Согласно первой, Гур — «страна неверия» (*дар куфр*), включенная во владения ислама только потому, что там есть и мусульмане. На ее восточных границах живут люди, которые выдают себя за мусульман, но не являются таковыми¹³⁸. В ином контексте говорится, что Гур — это горы, окруженные со всех сторон мусульманскими землями. Их населяют «неверные», но есть среди них и немного мусульман. Большая часть гурских рабов поступает в Герат и Систан¹³⁹.

Согласно второй точке зрения, в древности все население Гура составляли «неверные», а ныне большинство — мусульмане. Они живут в городках, многих селениях. Оттуда вывозят рабов, кольчуги, доброе оружие. Население имеет дурной нрав, непокорно, невежественно¹⁴⁰.

Вторая точка зрения выдает желаемое за действительное. Если в Гуре действительно численно преобладали мусульмане, то странной кажется их нелестная характеристика в устах их единоверца. Да и тот факт, что во всех источниках Гур фигурирует как поставщик рабов на невольничьи рынки Хорасана, указывает скорее на область, где «неверных» больше, чем мусульман.

¹³⁵ Там же. С. 316–321.

¹³⁶ ал-Йа'куби. С. 287–288.

¹³⁷ ал-Мукаддаси. С. 336.

¹³⁸ ал-Истахри. С. 272; Ибн Хаукал. С. 323.

¹³⁹ ал-Истахри. С. 281; Ибн Хаукал. С. 329. В списке труда Ибн Хаукала, который привлек Крамерс, эти два отрывка сведены в один (Ибн Хаукал–Крамерс. С. 429–430).

¹⁴⁰ Хулуд. С. 42 (л. 216).

Массовая исламизация Гура происходила столетием позже, в XI или даже XII в. Современником, а возможно, и очевидцем этого процесса был персидский переводчик труда ал-Истахри. Но и для него, вероятно, было еще не все ясно. В одном месте, немного «поправляя» первоисточник, он пишет, что в Гуре «много мусульман», а через несколько страниц он формулирует прямо противоположную версию: гурцы — кафиры, среди которых есть немного мусульман¹⁴¹. Автор начала XIII в., ни слова не говоря о конфессиональной принадлежности гурцев, упоминает крепость Фирузкух — резиденцию местных правителей, а далее приводит список местных знаменитостей, проявивших себя на ниве служения исламу. Самый ранний из перечисленных в списке умер в 348 г.х. (959-60 г.), дата смерти последнего — 409 г.х. (1018-19 г.)¹⁴². Для Йакута гурцы безусловно мусульмане, вместе с тем указание на даты смерти ранних деятелей ислама в Гуре не может служить достаточным основанием для того, чтобы считать население области исповедующим ислам уже в X в.

Обобщая характеристику ислама в Гуре и других областях восточного Хорасана в середине X в., можно было бы ограничиться компромиссным замечанием ал-Истахри: «Багнин¹⁴³, Халадж, Кабул, Гур — это районы, в которых некоторые приняли ислам (*асламу*), а некоторые из них (местных жителей) мирятся с исламом (*мусалимун*)»¹⁴⁴. Учет отдельных региональных условий позволяет наполнить это общее заключение конкретным содержанием.

Форпостом ислама на востоке Хорасана на границе с Индией уже в X в. были Газна (Газак, Газнин) и Кабул. Автор «Худуд ал-'Алам» пишет, что когда-то давно Газак принадлежал Индии, а ныне находится в мусульманских пределах и является границей между мусульманами и «неверными», местом сбора купцов¹⁴⁵. Йакут называет Джазну (Газну) столицей большой и знаменитой области Забулистан между Гуром и Индией на окраине Хорасана¹⁴⁶. При описании Газни географы подчеркивают исключительно важное значение города и области, но особенно не распространяются о конфессиональной ориентации, если не считать замечания ал-Мукаддаси о том, что в Газнине была соборная мечеть¹⁴⁷. Он же сообщает о красивой соборной мечети в Банджавайе, административном центре Руххаджа¹⁴⁸. Есть основания считать, что ислам в «земле халаджей» был неоднородным и в X в., и в начале XIII в. Географы не называют, какой из «праведных» толков был ведущим в Газне и ее дальних и ближних пригородах, зато свидетельствуют о наличии там мусульманских сектантов. В конце X в. Гардиз — «город на границе между Газнином и Хиндустаном, расположенный на холме. В нем есть мощная крепость с тремя стенами (тройной стеной). Его население — хариджиты»¹⁴⁹.

Значительно больше сказано о малоизвестном Алабана, расположенном в двух переходах от Газны по кабульской дороге: «Его население — остатки азракитов, которых изгнал ал-Мухаллаб. Они до сих пор живут по обычаю своих предков, но повинуются султану. Среди них есть купцы, богатые люди, ученые и адибы, общающиеся с царями Индии и Синда, которые приближают их к себе. У каждого из их старшин (*пу'аса*) есть арабское и индийское имя для удобства»¹⁵⁰. Последние сведения фиксирует источник начала XIII в. и говорит о них как о событиях своего времени.

¹⁴¹ Истахри (перс.). С. 214, 220.

¹⁴² Йакут. III. С. 823.

¹⁴³ Он же — Багни, город с мусульманским населением и одноименный округ, расположенный рядом с Гуром (Худуд. С. 43 (л. 22а)), по ал-Истахри — в Систане.

¹⁴⁴ ал-Истахри. С. 245; то же у Ибн Хаукала (с. 302).

¹⁴⁵ Худуд. С. 43 (л. 22а).

¹⁴⁶ Йакут. II. С. 72.

¹⁴⁷ ал-Мукаддаси. С. 304.

¹⁴⁸ Там же. С. 305.

¹⁴⁹ Худуд. С. 31 (л. 16а) — в главе о Хиндустане и его городах.

¹⁵⁰ Йакут. I. С. 348.

В X в. Кабул все еще оставался городом, большинство населения которого исповедовало буддизм, хотя он и входил во владения ислама. В нем была мощная крепость, которой владели мусульмане, и рабад, населенный «кафирами из индусов» (*ал-куффар мин ал-хунуд*) или, как считает другой географ, «кафирами и иудеями» (*ал-куффар ва-л-йахуд*)¹⁵¹. Об иудеях упоминает только Ибн Хаукал, другие авторы, характеризуя население Кабула по конфессиональному признаку, выделяют только мусульман и индусов (т.е. буддистов), и их версия предпочтительнее. Персоязычный источник конца X в. сообщает о наличии в Кабуле буддийских храмов, но ни слова не говорит о мечетях¹⁵², что может служить косвенным указанием на малочисленность мусульманского гарнизона в кухандизе, который вполне мог обходиться скромной мечетью.

В X в. Кабул был крупным центром буддизма не только в Хорасане, но и для соседней Индии. Согласно традиции, изложенной автором «Худуд ал-‘Алам», а также ал-Истахри и Ибн Хаукалем, буддийский храм в Кабуле был местом обязательного паломничества раджи княжества Киннаудж при восшествии на престол. Водружение княжеского знамени в храме означало официальное утверждение власти раджи Киннауджа. Религией большинства населения Кабула буддизм оставался в XI и частично в XII в.¹⁵³ К XIII в. положение решительно изменилось в пользу ислама, о чем пишет Йакут¹⁵⁴.

В начале X в. Ибн ал-Факих ал-Хамадани сообщает, что население Хорасана добровольно и послушно приняло ислам¹⁵⁵. Для его времени такое утверждение не совсем верно, поскольку речь может идти в основном о городском населении, да и то не обо всем. Сельская округа в X в., как свидетельствуют источники, сохраняла верность местной конфессиональной традиции. О немногочисленности мусульман в руствах говорит малое число мечетей по сравнению с численностью селений: в Нишапуре — 120 на 6000 селений¹⁵⁶, на весь Гарджистан — 10 мечетей¹⁵⁷, в Гузгане — 14¹⁵⁸, в округе Валиштан Газнийской провинции — 6 мечетей на 1100 селений¹⁵⁹. Это не исключало того факта, что ислам через территорию Хорасана проникал и дальше на восток с военными походами и через миссионеров. Показательно в этом отношении сообщение ал-Йа’куби о послых из Тибета, прибывших к халифу Омару б. Абдалазизу (717–720) с просьбой прислать миссионера-мусульманина: «Явились к нему послы Тибета просить его, чтобы послал к ним того, кто бы объяснил им веру ислама»¹⁶⁰. Реакция халифа или наместника на это посольство неизвестна, но сам факт заслуживает внимания. Рядом с этим сообщением приводится другое, не менее любопытное: мусульмане, осевшие в Мавераннахре с семьями, отказываются подчиниться приказу халифа и вернуться в Мерв.

Прямые и косвенные свидетельства раннемусульманских географов дают основание утверждать, что в первые века ислама на значительной территории восточного Хорасана был распространен буддизм. Крупным буддийским центром на севере нынешнего Афганистана до арабских завоеваний был храм Ноубахар (от *Nava vihara* — «Новый храм») в Балхе с настенными изображениями и сценами удивительных

¹⁵¹ ал-Истахри. С. 280; Ибн Хаукал. С. 328.

¹⁵² Худуд. С. 43 (л. 22а).

¹⁵³ Истахри (перс.). С. 219–220.

¹⁵⁴ Йакут. IV. С. 221: «Его население — мусульмане».

¹⁵⁵ Ибн ал-Факих. С. 317.

¹⁵⁶ ал-Мукаддаси. С. 300.

¹⁵⁷ Там же. С. 309.

¹⁵⁸ Худуд. С. 41 (л. 21а).

¹⁵⁹ ал-Мукаддаси. С. 297.

¹⁶⁰ ал-Йа’куби. С. 301.

деяний. К концу X в. от него сохранились только развалины¹⁶¹. Как сообщает Ибн ал-Факих ал-Хамадани, к храму совершали паломничество удельные правители из других областей, чтобы поклониться «большому идолу». Храм был построен еще в древности представителями местной аристократии — Бармакидами, исповедовавшими «идолопоклонство» (*'ибадат ал-авсан*). Бармакидам принадлежали обширные земли вокруг храма, 700 арыков и рустак Зуван в Тохаристане площадью 8×4 фарсахов, все население которого составляли рабы. Один из Бармакидов добровольно принял ислам при халифе Османе (644–656). Попытки удельных правителей и тархана Низака вернуть его в лоно прежней веры оказались безуспешными, и род Бармакидов был почти полностью истреблен тюрками¹⁶². Вновь имя Бармакидов всплывает уже в связи с завоеванием мусульманами областей восточного Хорасана в конце VIII в. Наместник Хорасана ал-Фадл б. Йахйя б. Халид б. Бармак посылает свое войско в союзе с отрядами удельных владетелей и дехкан против Кабул-шаха; мусульмане завоевали город Гураванд, овладели ущельем Гураванда и рядом населенных пунктов, в том числе Шах-Бахаром, в котором находился большой «идол». Храм был разрушен и сожжен, население попросило пощады¹⁶³.

В конце IX в. в Балхе и его окрестностях насчитывалось 47 мечетей. Город становился оплотом ислама в Тохаристане, в X в. велась ожесточенная борьба с «неверными», как свидетельствует ал-Мукаддаси. Микротопонимия Балха подсказывает, что противниками ислама были в X в. индусы (= буддисты) и иудеи.

В Симинджане (Симингане), городе, расположенном восточнее Балха, в Тохаристане, в конце X в. были мечеть¹⁶⁴ и, значит, мусульманское население. Наряду с этим в окрестных горах были вырублены жилые помещения, дворцы, буддийские храмы, конюшни. Росписи на стенах изображали сюжеты из «деяний индусов»¹⁶⁵.

Один из центров буддизма — Бамйан источники характеризуют лишь с географической точки зрения. Только один из них добавляет к географической информации титул удельного правителя и фразу о существовании в Бамйане двух каменных статуй Будды: Красного Будды (*сурхбут*) и Белого Будды (*хингбут*)¹⁶⁶. Молчание источников о наличии в Бамйане культовых зданий ислама можно расценить как их полное отсутствие в X в.

Йакут (начало XIII в.) дополняет описание Бамйана информацией о здании с высокими колоннами, на которых изображены «все птицы, которых создал всевышний Аллах на земле»; он сообщает также, что два больших «идола» в полный рост высечены в скале, что нет во всем мире им подобных. Он добавляет, что из Бамйана родом несколько «людей знания»¹⁶⁷, и тем косвенно свидетельствует о процессе исламизации области.

Упоминание о «золотом идоле», инкрустированном драгоценными камнями, — достопримечательности Давара (Заминдавар, Балад ал-Давар) — дважды встречается в сравнительно позднем источнике¹⁶⁸. В первом случае имя «идола» (аз-Зун) приводится в контексте арабских завоеваний VII в. в Систане и Даваре, во втором — без исторического контекста и в иной форме — аз-Зур. В рассказе о Даваре, как и при описании Бамйана, географы сознательно опускают характеристику области, расположенной между Руххаджем, Бустом и Гуром.

¹⁶¹ Худуд. С. 41 (л. 21а).

¹⁶² Ибн ал-Факих. С. 322–324.

¹⁶³ ал-Йа'куби. С. 290–291.

¹⁶⁴ ал-Мукаддаси. С. 303.

¹⁶⁵ Худуд. С. 42 (л. 21б).

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Йакут. I. С. 481.

¹⁶⁸ Там же. II. С. 541, 956.

Несколько городов с преобладающим буддийским населением географ X в. помещает в главе об Индии, не локализуя их. Ныне они входят в состав Республики Афганистан, в ее восточные провинции Лагман и Нангархар. Речь идет о городах Ламган, Динур и местности Банихар. Ламган характеризуется как город в среднем течении реки, склад товаров из Индии и место сбора купцов. В нем есть буддийские храмы. Динур (в другом месте — Данпур) расположен напротив Ламгана на другом берегу реки. Это тоже крупный торговый центр, в который съезжаются купцы со всего Хорасана. Там тоже есть буддийские храмы. Район Банихара населен в основном буддистами, имеет три больших Будды; правитель этой местности выдает себя за мусульманина и имеет более 30 жен из мусульманок, афганок и индусок¹⁶⁹.

Сведения о зороастризме и его течениях на территории восточного Ирана и Хорасана в географической литературе отрывочны и не дают исчерпывающей картины распространения этой религии на землях восточной окраины Халифата после арабских завоеваний. Высвечиваются только ее отдельные контуры, ограничивающие зороастрийский ареал на востоке отдельными районами Кермана и западного Хорасана. Географы связывают с зороастрийскими общинами отдельные населенные пункты и округа и хранят молчание в отношении многих других, в которых существование зороастрийцев и их культовых зданий подтверждается другими источниками. Вряд ли географы не знали о распространении зороастризма за пределами поименованных территорий. Скорее всего, при выборе альтернативы — писать или не писать о «гебрах» — решающее значение имел не столько феномен экзотичности старой религии на фоне мусульманского традиционализма («праведного ислама»), сколько влияние зороастрийской общины на развитие внутривосточных событий и идеологию данной местности. К сожалению, информация о зороастрийцах не всегда дается в историческом контексте, что вполне естественно для географических сочинений, авторами которых были мусульмане.

Ал-Истахри и его последователи сочли нужным отметить сохранение зороастризма (*ал-маджусийа*) у горцев района ал-Бариз в Кермане. Даже приняв ислам в начале аббасидского правления (вторая половина VIII в.), они составляли сильную оппозицию центральной власти (и, возможно, имели относительную свободу вероисповедания) вплоть до утверждения в последней трети IX в. династии систанских правителей Саффаридов¹⁷⁰.

Город Зузан в одноименном рустаке Нишапурской провинции известен своим храмом огня, который, по преданию, появился там при перевозке священного огня из Азербайджана в Систан¹⁷¹. Упоминание о зороастрийском храме естественно предполагает наличие в данной местности зороастрийской общины. С другой стороны, тот же источник называет Зузан «малой Басрой» из-за множества мусульманских мудрецов, литераторов и ученых, уроженцев этой местности.

Географы X в. фиксируют в полуфарсах (вариант — в двух фарсах) от Герата по дороге на Балх наличие действующего храма огня (*байт нар*) Сиришк, расположенного на вершине горы. Между этим храмом и городом находится христианская церковь (*каниса ли-н-назара*)¹⁷². В XI–XII вв. храм огня, по-видимому, прекратил свое существование, поскольку персидский переводчик труда ал-Истахри упоминает в этой связи только христианскую церковь¹⁷³. С созидательной деятельностью зороастрийцев связывают строительство моста в Герате, «удивительнее которого нет во

¹⁶⁹ Худуд. С. 31 (л. 16а); Худуд-Минорский. С. 251–253.

¹⁷⁰ ал-Истахри. С. 164–165; Ибн Хаукал. С. 221; Истахри (перс.). С. 141–142. Последний именует горцев гебрами.

¹⁷¹ Якут. II. С. 958.

¹⁷² ал-Истахри. С. 265; Ибн Хаукал. С. 317.

¹⁷³ Истахри (перс.). С. 210.

всем Хорасане». Работами руководил зороастриец, оставивший на мосту свое имя. Во время этих работ строители съели тысячу джерибов соли. По преданию, местный правитель пожелал написать свое имя на этом сооружении. Судьба зороастрийца неизвестна: одни считают, что он принял ислам, другие — что бросился в реку¹⁷⁴.

Селение Каринайн, расположенное в 25 фарсах от Мерва по дороге в Тохаристан, на полпути к Мервруду, в первой половине X в. было населено зороастрийцами, которых называли еще *туркван*¹⁷⁵. Автор конца X в. в кратком географическом описании Хорасана посчитал нужным упомянуть о селении Паркадар (?) на берегу р. Мерв, в котором живут гебры, именуемые также бехафриди¹⁷⁶.

Упоминание источника о бехафриди свидетельствует о том, что мусульманские географы имели достаточное представление и о зороастрийском сектантстве. Дополнительным подтверждением этого является сводка ал-Мас'уди, в которой названы основные маздакитские и хуррамитские секты (*ал-маздакийя*, *ал-маханийя*, *ал-мухаммира*, *ал-кудакийя*, *ал-кудшахийя* и проч.) и области их распространения, среди которых упомянут и Хорасан без детализации по районам¹⁷⁷. Секта «одетых в белое», ветвь хуррамитов, уже была названа выше в связи с первым экскурсом ал-Мукаддаси о религиях Хорасана. Замечание Йакута о том, что население Серакса оказывало большую помощь движению ал-Муканны и шайкам, разукрашенным золотом, является косвенным свидетельством того, что в последней четверти VIII в. оно в своем большинстве исповедовало хурраимзм¹⁷⁸.

В экскурсах, посвященных конфессиональным меньшинствам, практически не чувствуется неприязни мусульманских географов по отношению к иноверцам (в том числе и к зороастрийцам), но она отчетливо проступает, когда речь заходит о мусульманских сектантах, прежде всего о хариджитах и «еретиках» (*шурат*) вообще. Объяснялось это, вероятно, тем, что в IX–XI вв. внутренний враг в исламе был более грозным для его адептов, чем враг внешний. В рассказе-наставлении правителю о необходимости поручать дело людям чистой веры и достойным Незам ал-Молк сетует на то, что в государственных учреждениях и при дворе полно иноверцев и еретиков. Правителю следует, говорит он, очистить землю и свое государство от еретиков; лучше иметь дело с иудеем, гебром и христианином и назначить их над мусульманами, чем с «этими»¹⁷⁹. В этой сенценции государственного деятеля и писателя XI в. четко обозначена позиция правоверного мусульманина по отношению к исламским ересям.

Список сокращений

BGA — Bibliotheca Geographorum Arabicorum ed. J. de Goeje. Lugduni Batavorum

UEAI — Union Européenne des Arabisants et Islamisants

ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Lpz.

¹⁷⁴ ал-Мукаддаси. С. 330.

¹⁷⁵ Кудама б. Джа'фар. С. 209.

¹⁷⁶ Худуд. С. 39 (л. 20а).

¹⁷⁷ ал-Мас'уди. С. 353.

¹⁷⁸ Йакут. III. С. 72.

¹⁷⁹ Незам ал-Молк. С. 214.

Summary

A.I. Kolesnikov

Materials for Estimation of the Political and Confessional Affairs in the Eastern Iran and Khurasan

(based on information of the Muslim geographers of the 9th–12th centuries A.D.)

The information on the political and other historical events that occurred in the Islamized countries of the early middle ages cannot be regarded as adequate if we are to rely only on the facts derived from the traditional sources (such as “the world-wide chronicles” or “the books of conquests”). Therefore the author of the paper tries to collect and reveal the numerous historical data dispersed in the so-called untraditional sources, namely in the works of the Muslim geographers of the 9th–12th centuries.

The information of the geographical treatises makes it possible to throw more light on such problems as:

- a) the regions and borders of Khurasan in the 9th–12th centuries;
- b) military and political events that occurred at the same period in Khurasan and adjacent areas;
- c) the ethnic structure of the Khurasanians and their neighbours under the early Islamic dominion.

Confessional situation in the region.

The preliminary results received from the study of the geographical sources can be summarized as follows:

A. The diversity of information about the extent of the territory and borders of Khurasan reflects four different points of view, expressed by the geographers on the problem.

B. The geographical sources, while mentioning political events, show a preference for three chronological periods: 1) pre-Islamic history, 2) the time of the great Arab conquests (7th century), 3) home policy affairs concerning Khurasan and outer conquests in the 8th–12th centuries.

C. In none of the regions of Khurasan proper and neighbouring areas the ethnic structure of population was homogeneous. The situation steadily changed with the settling on conquered territories of the peoples who had adopted the new ideology Islam. The geographers practically never describe the Iranians, although the latter constituted the majority of population in the Western Khurasan. Only indirect evidence concerning the diffusion of the “Khurasanian languages” help us conceive the actual area of migration of the ethnic Iranians to the eastern extremities of the Caliphate before the Mogul invasion.

D. All the material concerned with confessional characteristics presents two classes of information:

- a) on religions, religious sects and trends, conflicts caused by ideological motives etc.;
- b) on religious buildings (mosques, churches, Zoroastrian and pagan, i. e. Buddhist temples).

Analysis of both groups of information gives rise to an idea about the coexistence of different confessions in several regions.

The information presented by the geographical sources may give valuable additions and elaborations to the data derived from historical chronicles.